ОГЛАВЛЕНIЕ № 3.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

ПОРТРЕТЫ С. В. БАЛМАШЕВА И Ѳ. К. КАЧУРА.

ПАРТIЯ СОЦIАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦIОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое

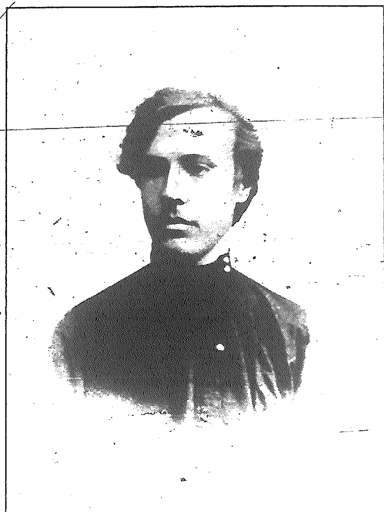
ВѢСТНИКЪ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦIИ

СОЦIАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНIЕ

№ 3.

МАРТЪ 1903 г.

Типографiя Партiи Соцiалистовъ-Революцiонеровъ.

«Я приношу свою жизнь въ жертву великому дѣлу-облегченія участи трудящихся и угнетенныхъ.»
Изъ письма С. В. Балмашева къ родителямъ.

Памяти С. В. Балмашева.

Въ исторіи бываютъ иногда знаменательныя, какъ бы пророческія совпаденія обстоятельствъ... 3-го апрѣля 1881 года русское самодержавіе, казалось, задушило рукою палача Народную Волю. Въ этотъ день въ Петербургѣ на Семеновскомъ плацу повѣшены герои 1-го марта... И въ этотъ самый день въ глухомъ, заброшенномъ уголкѣ Россіи, въ г. Пинегѣ, Архангельской губ. родился Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ, спустя 20 лѣтъ воскресившій, въ нашихъ глазахъ, своимъ героическимъ примѣромъ „великія, страдальческія тѣни“ борцовъ Народной Воли...

„Изъ костей нашихъ возстанутъ мстители!“

Двадцать лѣтъ тому назадъ борьба между темными силами самодержавія и народовольческимъ „отрядомъ безсмертныхъ“ кончилась матеріальною побѣдой тупого, дикаго произвола, кончилась трагической гибелью борцовъ революціоннаго соціализма. „Поражу пастырей — и разсѣются овцы.“ Все живое, все смѣлое, не клонившее гордаго чела передъ грубой, физической силой правительства, было вырвано съ корнемъ. Остались только „овцы“ — дряблое и киселеобразное „культурное общество“, разувѣрившаяся въ своихъ силахъ интеллигенція, темный народъ... Такъ же, какъ послѣ гибели декабристовъ, можно было сказать, что въ тогдашнюю послѣ-народовольческую эпоху русское общество напоминало собою тотъ безпощадно вырубленный лѣсъ, — „гдѣ были дубы до небесъ, теперь же — пни стоятъ“...

Теперь трудно себѣ представить ту атмосферу разочарованія, апатіи, безотраднаго пессимизма, которая охватила слабые остатки когда то могучей и грозной боевой дружины Народной Воли. Только въ связи съ этимъ состояніемъ нравственнаго переутомленія, изможденія становится понятнымъ, почему изъ „стана погибающихъ за великое дѣло любви“ выдѣлилось такъ много уставшихъ, отсталыхъ и даже прямыхъ перебѣжчиковъ въ станъ „ликующихъ, праздно-болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“...

Борцы погибли... Казалось, надолго погибъ и одушевлявшій ихъ смѣлый, боевой духъ. Новое поколѣніе, которому мачиха-исторія судила вырости подъ гнетущимъ, подавляющимъ впечатлѣніемъ недавняго пораженія, естественно, съ самаго начала было заражено духомъ невѣрія въ собственныя силы, скептицизма, боязни поднять на свои плечи слишкомъ непосильную тяжесть. Не отъ него можно было ожидать широкаго, смѣлаго размаха въ революціонной борьбѣ, той зажигающей вѣры, которая двигаетъ горами, той огромной нравственной энергіи и силы, которая удесятеряетъ силы физическія. Робкая осторожность, преувеличенное благоразуміе, разъѣдающій анализъ, боязнь разбросаться, боязнь выступить слишкомъ смѣло — вотъ тѣ качества, которыя естественно должны были развиться при этихъ условіяхъ. Революціонная интеллигенція только что лежала раздавленная, униженная, немощная, съ перебитымъ становымъ хребтомъ, — и можно ли было ожидать, чтобы она тотчасъ же смогла вновь подняться, выпрямиться во весь ростъ, ринуться въ бой съ гордо поднятою вверхъ головою? Нѣтъ, она естественно должна была съежиться, сократиться, обуздать и обезсилить свои порывы... Не скоро могла она опомниться, придти въ себя; не скоро, робко и нерѣшительно начала она выпрямляться и набираться силъ. Восьмидесятники, воинствующіе — противъ революціи — культурники, сторонники непротивленія злу насиліемъ, партизаны девиза „наше время — не время широкихъ задачъ", новообращенные эстеты, искавшіе „пантеистическаго примиренія съ дѣйствительностью" — все это были ядовитые, болотные цвѣты, нездоровые продукты вновь создавшейся нездоровой общественной атмосферы. Всѣ эти теченія имѣли одно общее — они съуживали область личной инициативы, уменьшали требованія, предъявляемыя къ личности. И хотя, напримѣръ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, на нашу нынѣшнюю мѣрку, соціальдемократическій „экономизмъ" прошлаго десятилѣтія былъ самымъ возмутительнымъ умаленіемъ роли сознательнаго революціоннаго меньшинства, обреченнаго тащиться въ хвостѣ стихійнаго движенія — однако, въ сравненіи съ только что перечисленными умственными и общественными теченіями даже этотъ „экономизмъ" былъ огромнымъ шагомъ впередъ. Онъ представлялъ собою уже переходъ къ болѣе революціоннымъ — въ настоящемъ смыслѣ этого слова — теченіямъ. Онъ свидѣтельствовалъ о начавшемся наростаніи революціонной энергіи, онъ былъ предтечей новаго подъема общественнаго настроенія, первымъ валомъ, сулившимъ впереди и второй, и третій, и седьмой, и девятый...

Должно было вырости новое поколѣніе, вырости не подъ гнетущими впечатлѣніями эпохи упадка, а подъ бодрящими впечатлѣніями эпохи новаго подъема. Только это новое поколѣніе могло въ полной мѣрѣ, свободно вдохновляться примѣромъ бойцовъ прошлаго, воскресить въ себѣ все, что было въ этомъ прошломъ нравственно-сильнаго, политически-смѣлаго... Только это поколѣніе должно было доказать, что самоотверженные піонеры будущаго не умираютъ, что ихъ память, что вдохновлявшая ихъ идея переживаетъ ихъ и воскресаетъ въ ихъ потомкахъ. Люди отживающаго прошлаго могутъ убить лишь то, что было смертнаго въ предтечахъ грядущаго. Но то, что было въ нихъ безсмертнаго — свѣтлая идея общечеловѣческаго братства, безконечная преданность ей, безконечное самоотверженіе, безконечная ненависть ко всему безчеловѣчному и злому, безконечная смѣлость и рѣшимость въ борьбѣ — продолжаетъ свѣтить даже изъ глубины прожитыхъ десятилѣтій отдаленнымъ поколѣніямъ, вновь и вновь ополчая ихъ на борьбу, благословляя на новые подвиги. « Et les morts immortels au milieu des vivants » — и безсмертные мертвецы остаются въ войскѣ живыхъ... Герои, выдвинутые рабочимъ и террористическимъ движеніемъ послѣдняго времени, знаменуютъ собою нарожденіе того новаго революціоннаго поколѣнія, которое пошло на борьбу, свободное отъ нравственнаго изможденія своихъ предшественниковъ, юное, свѣжее, полное силъ и вѣры, выставившее и обѣщающее еще выставить много богатыхъ, цѣльныхъ натуръ, не разъѣдаемыхъ никакой внутренней червоточиной... И съ этой точки зрѣнія исторія развитія Степана Валеріановича Балмашева, этой необычайно цѣлостной натуры, какъ бы вырубленной изъ одного куска гранита, интересна не только сама по себѣ, не только какъ индивидуальная исторія. До извѣстной степени она отражаетъ въ себѣ черты цѣлой новѣйшей эпохи.

Итакъ, мы должны перенестись на двадцать лѣтъ назадъ, въ глухой уголокъ далекаго, холоднаго сѣвера... Въ 1879 г. будущій отецъ Степана, Валеріанъ Александровичъ Балмашевъ, попалъ въ ссылку въ Холмогоры, а оттуда въ слѣдующемъ году — въ Пинегу, гдѣ и женился. Не трудно представить себѣ ту обстановку, въ которую онъ попалъ. Это была тѣсная товарищеская среда людей, вырванныхъ изъ водоворота упорной, напряженной, все разгаравшейся борьбы и заброшенныхъ въ мертвую, безплодную страну на краю болотъ и лѣсовъ. Здѣсь, въ этой обдѣленной, какъ будто забытой богомъ странѣ они жили „чужестранцами", выходцами изъ другого міра. Они были чужіе все-

му окружающему, и все окружающее было чуждо имъ. *Своей* жизни здѣсь у нихъ не было. Они жили доносившимися до нихъ запоздалыми отголосками другой, живой жизни, которая била ключемъ тамъ, далеко отъ нихъ и безъ нихъ, дразня яркостью красокъ и неумолкающимъ шумомъ бушующаго человѣческаго моря кучку изгнанниковъ среди скудной, однообразной природы. Здѣсь, обреченные вариться въ собственномъ соку, томились отъ вынужденнаго бездѣлья жаждавшія дѣла натуры. Въ ихъ, съ виду мирной, но удаленной отъ внѣшняго міра жизни, въ дружескомъ кружкѣ, было однако не мало событій, больно бьющихъ по нервамъ, — а у всѣхъ были, конечно, крайне натянутые, порою даже по истинѣ „обнаженные нервы“... Самоубійство юноши Песочинскаго, унесшее его только что расцвѣтавшую жизнь, смерть человѣка не отъ міра сего — Синдѣева, столкновенія между отдѣльными лицами, между двумя „коммунами“, встрѣчи и проводы товарищей, неудачные побѣги, тревожные, критическіе моменты общественной жизни, къ которымъ изгнанники мучительно прислушивались, какъ только можетъ мучительно прислушиваться и ловить звуки борьбы между дорогимъ другомъ и смертельнымъ врагомъ человѣкъ, лежащій со связанными руками — вотъ та, по истинѣ убійственная, обстановка, въ которой приходилось жить. И особенно убійственной была эта обстановка для крайне нервной, впечатлительной натуры Валеріана Александровича Балмашева. Въ обычное время душа его была чрезвычайно чувствительна, мягка и чиста. На нее крайне сильно дѣйствовали невзгоды ближнихъ, неурядицы общественныя. Это былъ прекрасный, идеальный товарищъ, котораго всѣ очень любили. Событія и драмы колоніальной жизни иногда оживляли, но и въ то же время сильно разстраивали болѣзненно-чувствительнаго Валеріана Александровича. Одно время товарищи даже сильно опасались, какъ бы дѣло не кончилось для него нервной болѣзнью или самоубійствомъ... Но его натура выдержала и вышла невредимой изъ всѣхъ испытаній. Общительный, мягкій, любившій жить на міру, онъ принималъ горячее участіе во всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ: чтеніяхъ, бесѣдахъ, работахъ, и это живое общеніе съ товарищами, вліяніе немногочисленныхъ женщинъ, вносившихъ много мягкости и сердечнаго участія во взаимныя отношенія, и коллективный физическій трудъ умиротворяли его мятежную душу.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, къ которому намъ еще не разъ придется возвращаться — настолько крупную роль сыгралъ онъ въ развитіи нравственной личности Степана, вспоминавшаго всегда объ отцѣ съ глубокимъ уваженіемъ и горячей любовью. Такова была обстановка, въ которой молодой Балмашевъ впервые увидѣлъ свѣтъ.

При первомъ же гражданскомъ актѣ — записи въ метрическія книги — новорожденный былъ отмѣченъ печатью политической неблагонадежности. Мѣстный священникъ, крайне злостно относившійся къ ссыльнымъ, занесъ мальчика въ метрики съ званіемъ „сына государственнаго преступника“... В. А. Балмашевъ, горячій *народникъ* въ старомъ, добромъ смыслѣ этого слова, назвалъ сына Степаномъ въ честь выдвинутаго нѣкогда самимъ народомъ изъ своей среды борца за народную вольность и землю, Степана Разина, который былъ любимымъ героемъ многихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ.

Первые четыре съ половиной года своей жизни „сынъ государственнаго преступника“ провелъ въ Пинегѣ, гдѣ его отецъ кончалъ свой пятилѣтній срокъ ссылки, а затѣмъ переѣхалъ съ родителями на ихъ родину — Саратовъ. Воспитаніе мальчика шло не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ. Отецъ его отличался той нравственной послѣдовательностью, даже ригоризмомъ, который былъ характерной особенностью многихъ „семидесятниковъ“. Онъ совершенно отвергалъ тотъ ходячій, вульгарный способъ воспитанія, при которомъ ребенокъ сначала привыкаетъ себя считать центромъ міра, привыкаетъ глядѣть на всѣхъ окружающихъ, какъ на орудія своей забавы и удовольствія, — чтобы потомъ, спустя долгіе годы, живя сознательною жизнью, неожиданно открыть въ себѣ глубоко засѣвшаго червяка эгоизма и барства. В. А. Балмашевъ совершенно отвергалъ тотъ способъ воспитанія, при которомъ убиваются, заглушаются всѣ умственные порывы ребенка повтореніемъ формулы: „ты еще маленькій, выростешь — узнаешь“. Балмашевъ-отецъ придавалъ громадное значеніе самымъ первымъ впечатлѣніямъ жизни, которыя застаютъ въ душѣ ребенка еще почти совершенно свободное, незанятое мѣсто. Его цѣль была — научить сына съ малыхъ лѣтъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что происходитъ вокругъ и сознательно относиться къ другимъ людямъ, какъ равнымъ. По этому В. А. Балмашевъ относился всегда къ сыну просто и серьезно, не какъ къ „ребенку“, а какъ къ растущему *человѣку*.

Одинъ изъ незначительныхъ эпизодовъ дѣтской жизни, въ которыхъ ярко высказался характеръ воспитательнаго воздѣйствія отца, особенно сильно врѣзался въ память мальчика. Когда отецъ его служилъ въ пароходствѣ „Самолетъ“ и завѣдывалъ пристанью, то ребенокъ почти все время проводилъ среди матросовъ.

Эти послѣдніе, разумѣется, всячески старались угождать сыну своего „начальства“, и однажды отецъ натолкнулся на сцену, какъ матросъ таскалъ на себѣ шестилѣтняго Степана, а тотъ подгонялъ его ногами и кулаками. Огорченіе отца, особенно, когда мальчикъ въ свое оправданіе выпалилъ: „а мнѣ матросы сказали, что барчуку можно все дѣлать, что онъ захочетъ!“— врѣзалось неизгладимыми чертами въ память Степана. Такими же неизгладимыми чертами врѣзались въ его память и дальнѣйшіе эпизоды: сначала долгій, серьезный разговоръ наединѣ съ мягкимъ, любящимъ отцомъ; затѣмъ длинная рѣчь отца къ созваннымъ на палубѣ матросамъ, въ которой В. А. выяснялъ необходимость чувства собственнаго достоинства въ каждомъ человѣкѣ, отвратительность и незаконность попиранія его, отъ кого бы оно ни исходило и въ какихъ бы формахъ ни проявлялось. Въ заключеніе Балмашевъ-отецъ заявилъ, что онъ — не „баринъ“, и сынъ его — не „барчукъ“, а такіе же люди, какъ и матросы, просилъ не называть ихъ такъ никогда. „А ты — обратился онъ къ присутствовавшему при этомъ сыну — если кто тебя назоветъ бариномъ, скажи, что я такой же баринъ, какъ и ты“. Немудрено, что впослѣдствіи *братскія* отношенія къ людямъ для Степана-юноши вовсе не были отвлеченной идеей, съ которой нужно еще свыкнуться, которую нужно схватить сначала умомъ, а затѣмъ внѣдрить, вопреки разнымъ враждебнымъ инстинктамъ и привычкамъ, въ сердце. Нѣтъ, это для Степана было органической потребностью, успѣвшей подъ вліяніемъ отца войти въ его плоть и кровь; эта потребность росла и укрѣплялась съ самаго дѣтства, когда мальчика связывала тѣсная дружба съ однолѣтками, жившими на томъ же дворѣ — сыномъ плотника и дочерью прачки, рваныя одеженки которыхъ возбуждали въ немъ не барскую брезгливость, а только живое, любовное участіе. Любопытно, что любившій связывать всегда мысль съ дѣломъ мальчуганъ однажды выразилъ свое возмущеніе неравенствомъ, отъ котораго страдали на его глазахъ бѣдняки, слѣдующимъ вопросомъ, неожиданно обращеннымъ къ отцу; „а скоро ли, папа, мы пойдемъ съ барабаномъ на Кокуева (мѣстный богачъ) и отдадимъ его богатство бѣднымъ?“

Отъ этихъ же лѣтъ у Степана Балмашева осталось еще одно, клиномъ врѣзавшееся въ его память, воспоминаніе: о жандармскомъ обыскѣ въ квартирѣ отца въ 1887 году. Этотъ рѣзкій ночной звонокъ, этотъ переполохъ домашнихъ, эта вломившаяся свора незнакомыхъ людей, грубо поднявшихъ съ постели мальчика; эти поиски, эти чужія руки, перерывающія весь домъ, тщательно перелистывающія даже папки съ дѣтскими рисунками Степана — не могли не взбудоражить его мягкой, любящей, дѣтской — хотя и не по дѣтски вдумчивой — натуры. Вѣрный себѣ, Балмашевъ-отецъ и не подумалъ какъ нибудь затушевать или сгладить первое тяжелое впечатлѣніе, оставленное обыскомъ въ душѣ ребенка; давать выдуманныя объясненія было тоже не въ духѣ его простыхъ, прямыхъ и правдивыхъ отношеній къ сыну. На всѣ вопросы маленькаго Степы отецъ давалъ просто, въ доступной для ребенка формѣ, всѣ нужныя объясненія. И съ ранняго дѣтства жизнь и прямыя, откровенныя рѣчи отца заронили въ душу Степы сѣмена ненависти къ злой и грубой силѣ, ненавидящей правду, преслѣдующей за высказываніе этой правды, давящей слабыхъ, обирающей бѣдныхъ и обдѣленныхъ.

Если мы прибавимъ къ этому жизнь на берегу красавицы Волги, созерцаніе ея — то тихой и спокойной, то гнѣвной и бурной, путешествія въ глубь рѣчного острова, постоянное общеніе съ природою; развитіе творческой фантазіи, переносившей его въ сказочный міръ, то на дно рѣки, во дворецъ морского царя, то въ глубь острова, въ качествѣ новаго Робинзона; наконецъ, развитіе любознательности, подъ вліяніемъ бесѣдъ отца о явленіяхъ физической природы, чтенія первыхъ описательныхъ естественно-научныхъ разсказовъ, собиранія коллекцій насѣкомыхъ — то мы получимъ полную картину ранней юности Степана, богатой впечатлѣніями, которыя провели глубокія борозды въ его дѣтской душѣ и создали уже до извѣстной степени общій нравственный фонъ для дальнѣйшаго формированія его характера.

Благотворнымъ вліяніямъ ранняго дѣтства маленькій Балмашевъ былъ обязанъ многимъ. Вскорѣ окружавшая его обстановка рѣзко измѣнилась и измѣнилась къ худшему. Семи съ половиной лѣтъ мальчикъ разстался съ отцемъ. Мать, кажется, вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, вынуждена была принять мѣсто акушерки въ далекомъ Зауральи, туда — несмотря на протесты отца — взяла съ собой и горячо любимаго ею единственнаго сына. Не имѣя возможности слѣдить за воспитаніемъ сына вслѣдствіе постоянныхъ разъѣздовъ по рудникамъ, она была принуждена положиться на учительницу Бутову, которая вела занятія безсистемно, обращая вниманіе лишь на казовую сторону, на безсмысленное зубренье французскихъ словъ и фразъ, грамматическихъ правилъ и т. д., не внося въ ученье никакой живой, свѣжей струи. Съ другой стороны, среда воспитанниковъ и воспитанницъ того пріюта, гдѣ мать Балмашева имѣла казенную квартиру, была еще менѣе благопріятна для развитія лучшихъ сторонъ характера.

Съ дѣтства развращенные, — какъ это часто бываетъ въ казенныхъ закрытыхъ заведеніяхъ. — въ свободное отъ скучной зубрежки время. воспитанники пріюта жадно смаковали пошлые скабрезные анекдоты и разсказы болѣе взрослыхъ товарищей... Къ счастью, это какъ то скользнуло по глубокой, хотя и дѣтской натурѣ Степы и прошло стороною, мимо. Отъ растлѣвающаго вліянія обстановки мальчика спасли, съ одной стороны, — чтеніе Майнъ-Рида, Купера и т. п., которому онъ предавался запоемъ, а съ другой — издавна развившаяся любовь быть наединѣ съ природой. Эта любовь получила новую пищу благодаря величественнымъ картинамъ Сѣвернаго Зауралья съ его могучимъ хвойнымъ боромъ и грандіозными скалами. Уже вернувшись черезъ два года въ Саратовъ и поступивъ въ 1891 году въ гимназію, мальчикъ далеко не сразу свыкся съ шумной ученической средой. Долгое время онъ оставался съ той же привычкой къ одиночеству, дичился толпы сверстниковъ, первое время какъ то даже весь съежился, притаился, ушелъ въ себя больше, чѣмъ прежде...

Интересно, что „сынъ государственнаго преступника" и здѣсь, при поступленіи въ гимназію, едва миновалъ прокустова ложа россійскихъ порядковъ... Директоръ гимназіи сначала вовсе отказался принять прошеніе родителей Балмашева. „Яблочко отъ яблони не далеко падаетъ", заявилъ этотъ олимпіецъ-педагогъ. Съ другой стороны, когда удалось уломать директора, пришлось имѣть дѣло съ законоучителемъ. Въ Саратовской гимназіи эту должность занималъ тогда священникъ Свѣтовидовъ — изъ типовъ новой формаціи: нервный, фанатикъ, крайне подозрительный ко всему, что носило обликъ свободомыслія и антирелигіозности, внимательно изслѣдовавшій съ этой стороны учениковъ. Онъ не нашелъ возможнымъ поставить маленькому Балмашеву удовлетворительной отмѣтки по закону Божію, и лишь съ большими затрудненіями Степану выхлопотали „переэкзаменовку, и онъ, такимъ образомъ, едва пролѣзъ сквозь „игольныя уши" нашихъ учебныхъ порядковъ въ храмъ казенной науки, огражденной со всѣхъ сторонъ рогатками противъ „ненадежныхъ" съ точки зрѣнія начальства элементовъ.

Здѣсь, въ стѣнахъ гимназіи, сначала одинокій, затѣмъ сблизившись въ двумя сверстниками, мальчикъ погружается съ головой въ гимназическую премудрость, оказываетъ хорошіе успѣхи, затѣмъ, съ четвертаго класса гимназіи, начинаетъ увлекаться чтеніемъ популярныхъ книгъ по естествознанію, особенно по астрономіи. На это въ значительной степени наталкиваетъ мальчика тотъ фактъ, что по просьбѣ отца въ его квартирѣ одинъ изъ любителей естествознанія устраиваетъ съ дѣтьми бесѣды по физикѣ, иллюстрируя ихъ элементарными опытами. Балмашевъ въ двумя товарищами издаетъ даже рукописный журналъ „Отголосокъ", посвященный преимущественно естествознанію и путешествіямъ; впрочемъ, журналъ съ самаго начала долженъ былъ быть, какъ значилось на его обложкѣ, „литературнымъ, научнымъ, *политическимъ* и художественнымъ"; но въ политическій отдѣлъ центръ тяжести переносится только въ слѣдующіе годы.

Вообще, въ мальчикѣ начинаетъ пробуждаться юноша. 14-ти лѣтъ, переведенный благодаря хорошимъ успѣхамъ, въ V-ый классъ безъ экзамена, Степанъ уѣзжаетъ на каникулы къ дальнимъ родственникамъ въ Малороссію. Здѣсь его душой цѣликомъ овладѣваетъ мечтательно-романтическое настроеніе. Широкій просторъ степей, красавецъ-Днѣпръ, полныя нѣги и прелести лунныя украинскія ночи, приволье, малороссійское пѣнье, вся природа и жизнь этого благословеннаго уголка своими мягкими тонами настраивала душу на поэтическій ладъ. Здѣсь молодой Балмашевъ узналъ чувство первой, чистой и поэтической, еще полудѣтской любви...

* * *

Балмашевъ рано вступаетъ въ тотъ періодъ, когда человѣкъ впервые начинаетъ *самъ для себя* разрѣшать всѣ вопросы мысли и жизни. Широчайшіе горизонты раскрываются передъ еще полудѣтскимъ умомъ: интенсивно работаетъ складывающаяся самостоятельная мысль; первыя наслажденія самимъ процессомъ этой самостоятельной работы такъ ярки, такъ свѣжи, такъ захватывающи... Лишь позднѣе человѣкъ приходитъ къ сознанію всей сложности, трудности, запутанности многихъ изъ этихъ вопросовъ. Лишь позднѣе умъ примирится съ тѣмъ. что иные изъ этихъ вопросовъ приходится признать еще открытыми, еще неразрѣшенными. Но въ тотъ періодъ, въ который теперь вступаетъ Степанъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ нѣтъ и не должно быть, все должно быть взвѣшено умомъ, все разрѣшено. И непремѣнно своимъ, личнымъ умомъ. Ничего не принимать на вѣру! Все самостоятельно переработать, критически пересмотрѣть и перерѣшить! На одной чашкѣ вѣсовъ — лежатъ всѣ великія міровыя проблемы, вся историческая работа мысли человѣчества надъ ними, вся вселенная — на другую чашку вѣсовъ юноша смѣло бросаетъ свой „кусочекъ мозга". Много незрѣлаго, много юно-

шеской самонадѣянности неизбѣжно сказывается въ этомъ періодѣ — но это все временное, преходящее — „то кровь кипитъ, то силъ избытокъ“. Но тутъ сказывается и нѣчто другое, часто остающееся на всю жизнь — это кипучая жажда знанія, страстная потребность отысканія истины — только истины, какъ бы ни была она горька и сурова. Передъ судилище верховной инстанціи — Разума — привлекается все традиціонное въ мысли, въ жизни, въ поведеніи. Такіе періоды бываютъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ, когда они просыпаются къ сознательной жизни, вступаютъ въ эпоху умственной эмансипаціи. Таковъ былъ вѣкъ Просвѣщенія и Энциклопедистовъ во Франціи, таковы были лучшія времена русскаго „нигилизма“ и его „ниспроверженія авторитетовъ“...

Гимназическія занятія въ забросѣ... Писаревъ, Добролюбовъ, Щедринъ — вотъ къ чьимъ рѣчамъ жадно прислушивается юноша. У Костомарова и въ др. источникахъ онъ жадно ищетъ характеристики народныхъ движеній — бунта Стеньки Разина, пугачевщины. Прямой характеръ Степана, не привыкшаго, чтобы слово расходилось съ дѣломъ, заставляетъ его публично объявить войну оффиціальной лжи гимназическихъ учебниковъ и вести передъ цѣлымъ классомъ диспуты съ учителемъ исторіи Переверзевымъ изъ за Иловайскаго. Возобновляется гимназическій журналъ, „Отголосокъ“, подъ редакціей Степана, возникаетъ другой („Первый Опытъ“), они соединяются; въ нихъ пишутся статьи по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія и невѣдѣнія; организуется, подъ руководствомъ отца Степана, первый кружокъ, въ которомъ онъ принимаетъ участіе; передъ кружкомъ раскрывается новая область — до тѣхъ поръ terra incognita — политической экономіи, соціологіи... Въ то же время разыгрывается первая гимназическая „исторія“. Уличаютъ въ шантажѣ одного изъ учениковъ того класса, въ которомъ былъ Степанъ; этотъ ученикъ — гнусная и подленькая натура — цѣной шпіонства за товарищами покупаетъ свою безнаказанность; раскрывшаго же грязную продѣлку исключаютъ... Юныя сердца волнуются, негодуютъ. Организуется протестъ, начинаются угрозы, запугиванья со стороны начальства... Директоръ прибѣгаетъ къ поголовному опросу класса по алфавиту, Степанъ долженъ отвѣчать однимъ изъ первыхъ и первый рѣшительно заявляетъ требованіе объ исключеніи шпіона-шантажиста. Въ классѣ находятся и слабые, отступники, но большинство, вслѣдъ за Балмашевымъ, твердо стоитъ на своемъ. Эта исторія, сильно взволновавшая общественное мнѣніе Саратова и вызвавшая даже появленіе революціонной прокламаціи „къ отцамъ и матерямъ“, даетъ новый толчекъ

умственному броженію среди гимназистовъ, которымъ пользуется юный агитаторъ... Въ VII классѣ выпускается гектографированный листокъ съ призывомъ гимназистовъ къ борьбѣ. Въ гимназическомъ журналѣ появляются даже выдержки изъ революціоннаго мѣсяцеслова... Наконецъ, Балмашевъ получаетъ и первое „революціонное крещеніе“: новое нашествіе жандармеріи на квартиру отца обнаруживаетъ у Степана пару экземпляровъ гимназическаго журнала и навлекаетъ особо-строгій выговоръ гимназическаго начальства. За то нашествіе это не обнаруживаетъ у отца Балмашева нѣкоторыхъ компрометтирующихъ писемъ, которыя Степанъ, нисколько не растерявшись, вмѣстѣ съ отцомъ отправляютъ въ свои желудки...

Чтеніе Михайловскаго, Лаврова, Николая-она, В. В., первыхъ марксистскихъ книгъ приводитъ гимназистовъ — уже въ старшихъ классахъ — къ горячимъ дебатамъ на тему о „нашихъ разногласіяхъ“. Молодой Балмашевъ въ этихъ спорахъ является однимъ изъ самыхъ ярыхъ и самыхъ крайнихъ „народниковъ“. Со всей азартностью и непримиримостью молодого задора онъ нападаетъ на марксизмъ, защищая во всѣхъ пунктахъ старое народническое міросозерцаніе. Послѣ новаго жандармскаго нашествія на квартиру отца, слѣдствія и высылки В. А. Балмашева въ административномъ порядкѣ, за вредное вліяніе на молодежь, на 3 года въ Вятскую губернію, Степанъ пробуетъ продолжать его дѣло и самъ организуетъ большой кружокъ, но неудачно. Въ юношѣ много энергіи, свѣжести, цѣльности, но слишкомъ мало опытности, знаній, умѣнья. Первыя организаторскія попытки не увѣнчиваются успѣхомъ.

На этомъ застаетъ Степана окончаніе гимназическаго курса. Онъ благополучно сдаетъ экзамены, хотя и тутъ по Закону Божію возникаютъ шероховатости. За „незнаніе, какъ нужно истинному христіанину читать евангеліе“ законоучитель ставитъ ему, вмѣсто отмѣтки, *знакъ вопроса* и едва-едва соглашается въ засѣданіи педагогическаго совѣта переправить его на казенную тройку...

* * *

Балмашевъ въ Казанскомъ Университетѣ. Въ этомъ году (1899) въ Казани и общественная, и студенческая жизнь переживала періодъ затишья и давала мало простора его активности и энергіи. Степанъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей массы молодыхъ сту-

дентовъ, съ такою же, какъ и онъ, робостью и волненіемъ входившихъ подъ колонны стариннаго зданія университета и такъ же усердно старавшихся извлечь изъ оффиціальной университетской науки все возможное. Дѣло измѣнилось, когда онъ попалъ въ марксистскій кружокъ, состоявшій изъ студентовъ и фельдшерицъ. Здѣсь обсуждались всѣ послѣднія новинки новаго міросозерцанія, вплоть до книжки Бернштейна, конспектъ которой былъ полученъ кружкомъ тотчасъ же послѣ ея выхода. Марксизмомъ навѣяна посланная въ это время Балмашевымъ на родину, для напечатанія въ гимназическомъ журналѣ „Молодежь“, статья объ общинѣ: въ этой статьѣ Балмашевъ повторяетъ даже доводъ, воспринятый русскимъ марксизмомъ отъ старыхъ критиковъ общины, вродѣ Вернадскаго, Б. Чичерина и т. п. — что общинное землевладѣніе препятствуетъ интенсивной культурѣ въ земледѣліи. Струве, Бельтовъ, Волгинъ, Туганъ-Барановскій, Ильинъ, Каутскій, Энгельсъ — жадно поглощаются юношей. Прежнее его міросозерцаніе даетъ повсюду трещины. Старое представленіе Балмашева о марксизмѣ, составленное по немногимъ журнальнымъ статьямъ, оказывается не всегда точнымъ и вѣрнымъ. Поглощенный изученіемъ марксистской литетатуры, онъ почти ничего не читаетъ изъ литературы противоположнаго лагеря: „кое что изъ Карѣева, слабая „Критика идей неомарксизма“ Оболенскаго и одна статья о роли личности въ исторіи изъ „Русскаго Богатства“ — вотъ и все то „весьма малое“, что указываетъ онъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ.

Многое въ старомъ народничествѣ кажется Балмашеву неправильнымъ, его міросозерцаніе подвергается ломкѣ и перестройкѣ. Увидѣвшись съ отцомъ, онъ ведетъ съ нимъ страстные, нескончаемые споры. Въ ихъ отношеніяхъ даже происходитъ временное охлажденіе. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ и горячей любовью къ отцу, юноша однако твердо держится на томъ, что считаетъ правдой. Отецъ, народникъ стараго закала, народникъ до мозга костей, не можетъ примириться съ перемѣной, происшедшей во взглядахъ сына...

Не нужно однако думать, что даже въ это время Степанъ цѣликомъ перешелъ на сторону марксизма. Не смотря на то, что онъ все время былъ увлеченъ изученіемъ марксистской литературы, въ старыхъ взглядахъ Степана оказались два пункта, упорно не поддававшихся разрушительному вліянію марксистской критики. „Одно лишь мѣсто о созидающей роли личности въ исторіи, да о равноправности экономическаго и идеалогическаго факторовъ“ — пишетъ онъ въ автобіографическихъ замѣткахъ — „не поддавалось окончательному разрушенію: оно сохранилось, воспринявъ въ себя лишь нѣкоторые „коррективы“. Результатъ этого кризиса во взглядахъ Степанъ формулируетъ такимъ образомъ: „непримиримое, нетерпимое отношеніе ко всему марксистскому и благоговѣніе передъ всѣмъ народническимъ смѣнилось на разумное критическое отношеніе къ тому и къ другому.“

На слѣдующій годъ Степану удалось покинуть тихую, полусонную Казань, гдѣ было такъ мало мѣста его жаждавшей дѣла душѣ, и перебраться въ Кіевскій Университетъ. Кипучая жизнь этого южнаго центра, бывшаго всегда однимъ изъ крупныхъ очаговъ, какъ студенческаго, такъ и общественнаго и революціоннаго движенія, не даромъ влекла къ себѣ Балмашева. Здѣсь только въ первый разъ могъ онъ на просторѣ развернуть всѣ силы, всю энергію своей натуры, менѣе всего созерцательной, болѣе всего дѣйственной. Онъ поступаетъ сразу въ нѣсколько студенческихъ организацій для завязыванія знакомствъ и связей. Но въ то время, какъ другіе его товарищи, окунувшись съ головою въ водоворотъ чисто студенческой жизни, увлекаются ею, какъ таковой, самой по себѣ, Степанъ заранѣе ставитъ себѣ опредѣленную цѣль — использовать студенческія организаціи для цѣлей революціонныхъ. При его участіи организуется на совершенно новыхъ началахъ „Поволжское землячество“. Степанъ развиваетъ передъ товарищами свой проектъ — необычайно смѣлый и широкій, по практически оказавшійся, — какъ это часто бываетъ со смѣлыми и широкими проектами — во всей его полнотѣ совершенно неосуществимымъ. По его собственному признанію, это былъ планъ цѣлаго „подпольнаго университета для подготовки активныхъ дѣятелей въ русскія политическія партіи“. Въ этомъ проектѣ опять цѣликомъ сказался весь Степанъ, человѣкъ дѣла прежде всего. Въ программѣ систематическихъ занятій наряду съ обычными предметами кружковыхъ занятій — теоріей научнаго соціализма, исторіей революціоннаго движенія, политическихъ движеній и партій на западѣ и т. п. — вводится методологія пропаганды и агитаціи (примѣнительно къ русскимъ условіямъ) и теорія конспираціи. Нечего и говорить, что опытныхъ руководителей по всѣмъ этимъ предметамъ найти было не такъ то легко и фактически „Поволжской Организаціи“, несмотря на всѣ усилія Степана, пришлось ограничиться немногими частями намѣченной программы. Какъ бы то ни было, она внесла много жизни, много оживленія въ студенческую среду. Не даромъ въ широкой студенческой публикѣ о ней слагались и ходили въ ту пору цѣлыя легенды. Она расширила кругъ своихъ членовъ далеко за предѣлы

тѣснаго кружка земляковъ, охватывая и университантовъ, и поли-
техниковъ, и даже людей изъ „общества“. Она сыграла потомъ
важную роль въ студенческомъ движеніи внесеніемъ въ него орга-
низованности и политическаго элемента.

Въ это время часто можно было видѣть въ Университетъ харак-
терную высокую фигуру Степана — облеченнаго въ неизмѣнную
тужурку, цвѣтомъ похожую на старое гимназическое пальто, —
съ непослушными русыми волосами, постоянно свѣшивавшимися
на лобъ и заставлявшими Степана то и дѣло откидывать ихъ
обратно характернымъ энергическимъ движеніемъ головы. Вѣчно
подъ мышкой у него были какіе то свертки и книжки, вѣчно на
его рукахъ были какіе то денежные сборы, вѣчно онъ раздавалъ
листки и брошюры. Не удовлетворяясь дѣятельностью въ „По-
волжской Организаціи“, онъ еще принимаетъ участіе въ „Ноябрь-
ской Организаціи“, организаціи „Образованіе“, и организуетъ „пра-
вленіе студентовъ I-го курса юрид. факультета“. Это „правленіе“
сзываетъ сходки по разнымъ студенческимъ дѣламъ, стремится раз-
вить духъ протеста и на этой почвѣ сѣять сѣмена антиправи-
тельственной пропаганды. Выпускаются воззванія, на сходкахъ
членами „правленія“ говорятся рѣчи политическаго содержанія.
Одной изъ своихъ главныхъ задачъ „правленіе“ ставитъ исполь-
зованіе практическихъ занятій нѣкоторыхъ професоровъ, особенно
проф. полит. экономіи Пихно. Спеціально подыскиваются оппо-
ненты профессору изъ студентовъ разныхъ курсовъ, они подгото-
вляются къ дебатамъ и систематически пробуютъ обратить эти
практическія занятія въ проповѣдь молодыми устами идей соціа-
лизма, — и не прѣсному, трезвенному благоразумію, которымъ
дышатъ рѣчи профессора, парализовать вліяніе этой не всегда
умѣлой, но всегда горячей и убѣжденной проповѣди. Степанъ, хо-
тя и не ораторъ по природѣ, принимаетъ посильное участіе и въ
этомъ дѣлѣ, заражая товарищей своей энергіей, упорствомъ и
настойчивостью.

Намъ уже приходилось говорить, что Степанъ по натурѣ не
былъ ни кабинетнымъ мыслителемъ—теоретикомъ или созерцате-
лемъ, ни ораторомъ. Когда интересы дѣла того требовали, онъ
принималъ посильное участіе и въ кружковомъ теоретизированьи,*)

*) Такъ, еще въ Казани онъ читалъ рефератъ на тему о
созывѣ мирной конференціи царемъ, въ Поволжской Организаціи
— рефератъ о системѣ пропорціональнаго представительства, на
практическихъ занятіяхъ Пихно — о теоріи Рикардо. Но и это
были болѣе агитаціонныя. чѣмъ теоретическія попытки. Первый

и выступалъ съ рѣчами. Но ничего спеціально-ораторскаго въ
немъ никогда не было. Онъ не только не любилъ „краснобай-
ства“, напротивъ, не терпѣлъ его. Оно совершенно не шло къ
его прямой, простой, глубоко-искренней натурѣ. Къ нему замѣ-
чательно подходило прозвище „старовѣра“, которымъ его окре-
стили товарищи. Его всегдашняя откровенность и прямота на
первый взглядъ могли поражать и придавать ему нѣсколько гру-
боватый оттѣнокъ. Но это то и цѣнилось въ немъ его друзьями. Онъ
врагъ всякихъ обиняковъ — даже не то что врагъ, а просто они
были совершенно чужды и незнакомы ему, несоединимы съ его
натурой; онъ всегда говорилъ всѣмъ правду въ глаза. Самъ ни-
когда не допуская никакой неискренней нотки, чуждый фразы,
онъ былъ крайне чутокъ ко всякимъ проявленіямъ фразерства
въ другихъ. Громкія слова, хотя бы даже вырывающіяся въ по-
рывѣ, въ пылу искренняго, юношескаго увлеченія, уже нерѣдко
коробили его, и Степанъ, съ обычной своей добродушной и слегка
насмѣшливой улыбкой спѣшилъ вставить какое нибудь расхола-
живающее замѣчаніе, чтобы свести оратора съ заоблачныхъ вы-
сотъ пафоса къ прозѣ реальнаго дѣла. Въ кругу друзей Степана
всѣ заражались этой непосредственной простотой отношенія къ
дѣлу, при которой не нужно разогрѣвать себя и другихъ сильны-
ми словами и внѣшними эффектами. Тайна вліянія Степана на
другихъ заключалась не въ томъ, на чемъ она основывается у
многихъ: не въ гипнотизирующемъ краснорѣчіи и не въ пода-
вляющемъ вліяніи теоретическаго авторитета. Нѣтъ, въ этихъ
отношеніяхъ онъ былъ рядовой товарищъ, находившійся въ рав-
ныхъ отношеніяхъ къ другимъ — а только при такомъ равенствѣ
и мыслима истинная дружба. Но Степанъ былъ олицетвореніемъ
дѣла, дѣла, идущаго изъ глубины чувства и убѣжденія, дѣла, по-
требность котораго слишкомъ вошла въ плоть и кровь, сдѣлалась
слишкомъ обычной и неотъемлемой чертой натуры, чтобы рядить-
ся въ праздничную одежду красивыхъ словъ. Именно эта необы-
чайная цѣлостность, законченность нравственной личности и при-
давала ему столько обаятельности. Среди обычныхъ въ наше вре-
мя нервныхъ, раздвоенныхъ, колеблющихся, разъѣдаемыхъ раз-
личными влеченіями натуръ онъ особенно рѣзко выдѣлялся, какъ
человѣкъ, словно высѣченный изъ одного цѣльнаго куска гранита.

рефератъ былъ сплошь страстной филиппикой противъ царизма,
второй — по его собственному отзыву — столь же страстной за-
щитой представительной системы „съ точки зрѣнія абсолютной
справедливости“, третій же развивалъ главнымъ образомъ идею
антагонизма труда съ капиталомъ.

И въ критическіе моменты студенческой жизни онъ естественно долженъ былъ постоянно задавать тонъ — онъ постоянно легко находилъ рѣшеніе тамъ, гдѣ другіе раздумывали и колебались, онъ смѣло намѣчалъ прямой путь и шелъ къ нему увѣренной стопой, презирая препятствія и увлекая своимъ примѣромъ одлихъ, поражая своею рѣшительностью другихъ. Неудивительно, что въ широкомъ кругу передового студенчества его всѣ знали, всѣ любили, всѣ чувствовали, органически чувствовали его отсутствіе, когда дѣло шло о какомъ нибудь серьезномъ вопросѣ...

Такова была эта своеобразная личность, которая попала въ Кіевскій Университетъ, какъ разъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ студенческой жизни. Годъ, предшествовавшій поступленію Балмашева, былъ годомъ роздыха послѣ волненій 1899. Массовыя исключенія и угрозы солдатчиной привели къ видимой пріостановкѣ жизни; начальство торжествовало побѣду; настроеніе студентовъ было подавленное; но въ глубинѣ шла глухая работа, нарастали и объединялись новыя силы, накоплялось недовольство и возбужденіе. Атмосфера была переполнена электричествомъ. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что видимое затишье — только предвѣстникъ бури.

Буря чуть чуть было не разразилась изъ за бездарнаго профессора Эйхельмана, противъ котораго организовало борьбу „правленіе студентовъ I-го курса“. Но Эйхельманъ отступилъ передъ дружнымъ студенческимъ протестомъ, и все обошлось благополучно. Студенты одержали блестящую побѣду. Это сильно ободрило ихъ, но начальство ждало только повода для реванша. Поводъ скоро представился. Скандальная исторія, устроенная парой кутилъ изъ студенческой „золотой молодежи“ гдѣ то въ загородномъ ресторанѣ вызвала всеобщее возмущеніе студентовъ. Начались сходки, студенческій судъ, вмѣшательство начальства, безпорядки... Въ это самое время Балмашевъ вошелъ въ качествѣ представителя Поволжскаго землячества въ Союзный Совѣтъ и примкнулъ тамъ къ крайней лѣвой, требовавшей, чтобы Совѣтъ взялъ на себя руководство движеніемъ и придалъ ему болѣе рѣзкій и опредѣленный характеръ. Вѣрный себѣ, и здѣсь Степанъ не придавалъ никакого значенія чисто студенческому дѣлу, какъ чему то самодавлѣющему; онъ, по его собственнымъ словамъ, „постоянно высказывался и вотировалъ за сведеніе студенческой борьбы на политическую почву и за неустанную агитацію въ этомъ направленіи“. Сходки учащаются, систематически заканчиваются революціонными пѣснями; говорятся рѣчи о соединеніи студенческаго движенія съ рабочимъ: группа членовъ Поволжскаго зем-

лячества и нѣкоторыхъ другихъ, съ неизмѣннымъ Балмашевымъ въ рядахъ, особенно энергично придаетъ сходкамъ организованный и опредѣленный характеръ: исключеніе двухъ ораторовъ за произнесеніе на сходкѣ особенно зажигательныхъ политическихъ рѣчей вызываетъ бурную и внушительную революціонную студенческую демонстрацію на вокзалѣ, при проводахъ пострадавшихъ.

Тогда надъ Кіевскимъ студенчествомъ разражается, подобно ударъ грома, приговоръ Особаго Совѣщанія о сдачѣ 183 студентовъ въ солдаты. Въ числѣ обреченныхъ на солдатчину находится, конечно, и Балмашевъ, всегда находившійся въ первыхъ рядахъ при каждомъ изъ рѣшительныхъ дѣйствій и увлекавшій другихъ своимъ рѣшительнымъ примѣромъ.

Трудно было выбрать при этомъ болѣе неумѣлый, болѣе нетактичный способъ поведенія, чѣмъ тотъ, котораго придерживалось правительство. Приговоръ Особаго Совѣщанія былъ опубликованъ, но дожидался своего утвержденія высшею властью. Съѣхавшееся послѣ рождественскихъ каникуль студенчество чувствовало надъ собою, такимъ образомъ, дамокловъ мечъ, ежеминутно готовый опуститься на головы почти двухсоть товарищей. Вслѣдствіе этого еще болѣе возбужденное, лихорадочное настроеніе охватило всѣхъ. Люди спѣшили жить, спѣшили сдѣлать какъ можно больше... Прежде нерѣшительный и колеблющійся Союзный Совѣтъ принялъ тактику, рекомендовавшуюся лѣвымъ крыломъ. Не мало людей, которые раньше противились внесенію въ борьбу рѣзкаго, революціоннаго элемента и стремились удержать его на чисто академической почвѣ, теперь, подъ вліяніемъ событій, быстро революціонизировались. Была объявлена забастовка съ примѣненіемъ обструкціи, организована „дружина обструкціонистовъ“, рѣшившая, по настоянію Степана, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ — химической обструкціи. Энергическая дѣятельность этой „дружины“ заставляетъ отступить образовавшуюся было въ противовѣсъ ей небольшую группу студентовъ, принявшую громкое имя „Партіи русскихъ націоналистовъ“.

По свидѣтельству одного изъ знававшихъ въ то время Балмашева студентовъ, Степанъ, ожидая врученія повѣстки съ назначеніемъ въ полкъ, неожиданно съѣзжаетъ съ квартиры, скрываетъ свое мѣсто жительства и погружается съ головой въ агитацію. Утромъ — обструкція въ Университетѣ, днемъ — агитація въ студенческихъ столовыхъ, вечеромъ — организація манифестацій на проводахъ отъѣзжающихъ студентовъ-солдатъ. Мечта Балмашева — перенесеніе движенія на улицы... Еще до начала обструкціи, когда Кіевскій Союзный Совѣтъ еще нѣсколько коле-

бался, громадное впечатлѣніе на студентовъ произвела прокламація, подписанная „группой независимыхъ обструкціонистовъ“, и приписываемая Балмашеву и его товарищамъ. „Успѣха движенія нужно ожидать не отъ академической борьбы, а отъ расширенія ея до размѣровъ общеполитической, отъ перенесенія ея изъ четырехъ стѣнъ университета на широкія, многолюдныя улицы, отъ организованныхъ демонстрацій“ — таковъ былъ общій смыслъ этой смѣло, рѣшительно и прочувствованно написанной прокламаціи. Тогда до выстрѣла Карповича, до послѣдовавшей за нимъ волны демонстраціоннаго движенія, такого рода призывъ былъ новостью... Вспомнимъ, что и во время разгара демонстрацій большинство революціонныхъ организацій было захвачено врасплохъ и не знало, какъ имъ держаться. Прокламація „Группы независимыхъ обструкціонистовъ“ значительно упреждала событія и показывала въ ея авторахъ громадный запасъ здороваго революціоннаго чутья, вѣрно угадавшаго потребности момента и выводившаго людей на прямую дорогу рѣшительной и интенсивной борьбы — въ то самое время, когда большинство состояло изъ колеблющихся, рефлектирующихъ, нерѣшительныхъ и безъ устали резонирующихъ въ то время, когда надо дѣйствовать...

23-го января 1901 года Степанъ былъ арестованъ въ стѣнахъ университета за раздачу прокламацій группы „Рабочаго Знамени“ „къ студентамъ-солдатамъ“ и за пощечину, нанесенную имъ шпіонившему за нимъ недѣлю. Вслѣдъ за этимъ обыскъ на квартирѣ одного изъ его товарищей далъ слѣдствію новый матеріалъ — рукопись Степана, которая представляла собой опытъ агитаціонной брошюры для рабочихъ. Здѣсь впервые оказалось, что кромѣ бросавшейся въ глаза дѣятельности въ стѣнахъ Университета, въ жизни молодого Балмашева была уже и другая, невидимая для постороннихъ глазъ сторона!... Балмашевъ былъ препровожденъ въ Лукьяновскую тюрьму. Но и пребываніе въ тюрьмѣ не означало для него разрыва съ живой жизнью. Воспользовавшись относительно чрезвычайно свободными условіями мѣстной тюремной жизни, въ особенности же — совмѣстными прогулками заключенныхъ, онъ и здѣсь умудряется найти исходъ кипучей жаждѣ дѣятельности. По иниціативѣ одного изъ товарищей его по заключенію составляется группа рабочихъ, которымъ во время прогулокъ, въ рядѣ бесѣдъ, молодой Балмашевъ старается послѣдовательно передать сущность научнаго соціализма. Не удовлетворяясь устной пропагандой, онъ пробуетъ прибѣгнуть и къ письменной... Нѣсколько сидѣвшихъ принимаютъ его предложеніе издавать въ тюрьмѣ рукописную газету для рабочихъ, и Балма-

шева выбираютъ однимъ изъ двухъ главныхъ редакторовъ ея. Дерзкое предпріятіе на первыхъ порахъ увѣнчивается успѣхомъ. Несмотря на цѣлый рядъ трудностей, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ съ одной стороны — надзоръ стражи, съ другой недостатокъ бумаги, послѣ долгихъ мытарствъ появляется въ свѣтъ — или, вѣрнѣе сказать, въ тюремную полутьму — № 1 органа „Изъ каземата“. Кромѣ юмористической замѣтки о дѣятельности ген. Новицкаго, перу Балмашева въ этомъ органѣ принадлежитъ статья по поводу проникшаго въ тюрьму извѣстія о выстрѣлѣ Карповича; эта статья свидѣтельствуетъ о томъ, что политическое міросозерцаніе Степана къ этому времени окончательно опредѣлилось еще въ одномъ направленіи. Онъ сдѣлался сторонникомъ политическаго террора, поставленнаго въ связь съ движеніемъ рабочихъ массъ. Его вѣра въ терроръ и вѣра въ рабочее движеніе растутъ параллельно. Именно въ это время, когда рука его писала восторженный привѣтъ возобновленію террористическихъ дѣйствій вообще и поступку Карповича въ частности — именно въ это время, по свидѣтельству его автобіографическихъ записокъ, „рабочее движеніе, начавшее принимать политическій характеръ, все болѣе и болѣе привлекало къ себѣ симпатіи“ его, и „жажда дѣятельности среди рабочихъ возрастала, какъ снѣжный комъ, не давая покоя...“ Между тѣмъ, сидѣвшихъ рабочихъ почти всѣхъ повыпускали, бесѣды и газету пришлось поневолѣ прекратить. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ выпущенъ до приговора и Степанъ и подъ конвоемъ отправленъ въ г. Рославль Смоленской губ. для отбыванія военной службы согласно приговору особаго совѣщанія.

Но судьба улыбнулась Степану. Вслѣдъ за нимъ прибыла и аттестація его, присланная ген. Новицкимъ. „Сынъ государственнаго преступника“ былъ отрекомендованъ командиру полка, какъ въ высшей степени опасный агитаторъ, за которымъ необходимо имѣть самое неослабное наблюденіе. Добродушный командиръ, совершенно неопытный въ такого рода дѣлахъ, даже похудѣлъ отъ заботъ и горя; кажется, онъ даже началъ опасаться за свою жизнь и искалъ только повода, чтобы какъ нибудь сбыть съ рукъ опаснаго революціонера и избавиться отъ хлопотъ съ нимъ. Поводъ скоро представился. Пребываніе въ тюрьмѣ съ ея душнымъ, затхлымъ воздухомъ и плохимъ питаніемъ значительно подорвало здоровье Степана. Командиръ моментально преисполнился самымъ живѣйшимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ къ нему и успѣлъ исходатайствовать для него отпускъ ради поправленія здоровья. Въ сопровожденіи дядьки (одного его не отпустили) Балмашевъ отправился подъ благодатное небо юга, въ Крымъ, гдѣ и про-

жилъ нѣсколько мѣсяцевъ сначала въ Симферополѣ, а за тѣмъ въ 30 верстахъ отъ Севастополя, на хуторѣ Василія Перовскаго, брата героини 1-го марта, Софьи Перовской... Степанъ попалъ въ Крымъ въ то самое время, когда тамъ работалъ цѣлый рядъ мелкихъ соціальдемократическихъ группъ, не связанныхъ другъ съ другомъ, занимавшихся, такъ сказать, „революціоннымъ кустарничествомъ." Нечего и говорить, насколько мѣшало, насколько обезсиливало мѣстныхъ дѣятелей это отсутствіе объединенныхъ силъ, эта раздробленность, не дававшая имъ возможности браться за какія бы то ни было крупныя предпріятія. Хотя, какъ мы уже видѣли, во взглядахъ молодого Балмашева въ это время былъ уже пунктъ, отдѣлявшій его отъ громаднаго большинства соціальдемократовъ — признаніе необходимости политическаго террора — но онъ никогда не былъ сектантомъ, способнымъ изъ за тѣхъ или иныхъ частныхъ разногласій разрывать необходимую революціонную связь на почвѣ живого дѣла, или изъ за программныхъ „спорныхъ вопросовъ" упускать изъ виду то, что является общей почвой для дѣятельности всѣхъ революціонныхъ фракцій. Приверженность къ политической борьбѣ и къ ея болѣе рѣзкимъ формамъ, вплоть до борьбы террористической, не помѣшала Балмашеву стать въ самомъ центрѣ живой работы мѣстныхъ соціальдемократовъ среди рабочихъ и дать инициативу къ образованію объединительнаго органа для мѣстныхъ группъ — „Центральнаго Крымскаго Соціальдемократическаго Комитета", выпустившаго, между прочимъ, прокламацію „Ко всѣмъ рабочимъ Крыма", содержаніе которой, по тактическимъ соображеніямъ, не выходило изъ рамокъ чисто-экономическихъ требованій. Самый шрифтъ (каучуковый) для летучей типографіи Комитета былъ добытъ тѣмъ же Балмашевымъ на свои собственныя средства. Вторая прокламація Комитета — въ которую былъ уже введенъ и политическій элементъ — „по независящимъ обстоятельствамъ" вся погибла. А вслѣдъ за ней захирѣлъ и погибъ безвременною кончиной и весь Крымскій Комитетъ, лишенный человѣка, который въ короткое время успѣлъ сдѣлаться фактически душою всего дѣла. Послѣ выстрѣла Карповича, послужившаго сигналомъ къ новому взрыву угаснувшаго было студенческаго движенія, послѣ шумныхъ уличныхъ демонстрацій, неожиданно поддержанныхъ рабочими массами, — растерявшееся правительство смѣнило „волчій зубъ" на „лисій хвостъ", и торжественно возвѣщенная міру политика сердечнаго попеченія вновь широко распахнула двери университета передъ „студентами-солдатами". Балмашевъ тотчасъ же уѣхалъ въ Харьковъ, намѣреваясь поступить здѣсь въ университетъ и всецѣло отдаться работѣ среди рабочихъ.

Фракціонныя разногласія все это время отнюдь не занимали перваго мѣста въ умѣ и сердцѣ Степана. Онъ уже настолько былъ человѣкомъ дѣла, чтобы различать, гдѣ и поскольку эти разногласія дѣйствительно сказываются на практическомъ поведеніи дѣятелей, и гдѣ связь ихъ съ судьбами живого дѣла является достаточно отдаленной, косвенной и частичной. Особенно это относилось, конечно, къ подготовительной работѣ въ массахъ. Самъ Балмашевъ такъ характеризовалъ свое отношеніе тогда къ этому вопросу: онъ, „не находя существенныхъ различій *въ практическомъ осуществленіи* программъ „партіи соціалистовъ-революціонеровъ" *) и „россійской соціальдемократической", принималъ участіе какъ въ той, такъ и въ другой, смотря по тому, гдѣ представлялась большая продуктивность работы". Соотвѣтственно съ этимъ и въ Харьковѣ, гдѣ онъ прожилъ лишь около мѣсяца (поступить въ Харьковскій Университетъ ему не удалось, такъ какъ ректоръ Лагермаркъ заявилъ, что „такихъ ему не надо"), онъ взялъ для пропаганды кружки какъ отъ Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, такъ и отъ „Комитета Партіи Соц.-Рев.". Отъ перваго онъ взялъ кружокъ наборщиковъ, отъ второго—рабочихъ паравозостроительнаго завода, и посѣщалъ ихъ въ рабочей блузѣ, въ качествѣ бывалаго интеллигентнаго рабочаго. Обычная простота и мужиковатость Степана быстро поставила его на вполнѣ товарищескую ногу со всѣми членами кружковъ; рабочіе быстро сблизились съ нимъ и видѣли въ немъ вполнѣ своего человѣка. Особенно довольны были новымъ руководителемъ наборщики, сравнивая простое, живое слово Степана съ слишкомъ отвлеченнымъ, оторваннымъ отъ жизни, мало понятнымъ, хотя и „научнымъ" изложеніемъ его предшественника. Этотъ кружокъ съ особеннымъ сожалѣніемъ провожалъ изъ Харькова своего мимолетнаго гостя, успѣвшаго своимъ прямымъ характеромъ и нравственною силою своей энергичной личности въ короткое время завоевать столько симпатій и такъ быстро расширить численный составъ кружка...

* * *

*) Напомнимъ, что объединенной „Партіи Соц.-Рев." тогда еще не существовало; на югѣ дѣйствовала тогда новообразовавшаяся „Партія Соц.-Рев.", которая, въ отличіе отъ сѣвернаго „Союза Соц.-Рев.", откладывала пользованіе террористическими средствами борьбы и на практикѣ отличалась отъ болѣе революціонной части соціальдемократовъ лишь широкимъ признаніемъ работы въ крестьянствѣ, начавшейся тогда главнымъ образомъ въ провинціи.

Балмашевъ снова въ Кіевѣ. Къ его величайшему изумленію, его, непринятаго въ Харьковѣ, въ началѣ сентября 1901 г. безпрепятственно принимаютъ въ Кіевскій Университетъ, хотя въ мѣстномъ жандармскомъ управленіи лежитъ еще незаконченное производствомъ „дѣло“ по обвиненію его на осн. 252 и 318 ст. Пути начальства неисповѣдимы...

Балмашевъ вернулся въ Кіевъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ первый разъ. Правда, и тогда онъ былъ революціонеромъ до мозга костей, революціонеромъ по всему своему складу, по всей натурѣ. Но теперь его революціонное направленіе становилось болѣе окрѣпшимъ, болѣе опредѣленнымъ. Правда, и раньше на „студенческое дѣло“ онъ глядѣлъ лишь, какъ на средство политической агитаціи, подготовительной организаціонной и конспиративной выучки, завязыванія подходящихъ связей и т. д.; и раньше онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ комъ шумъ студенческой борьбы впервые пробуждаетъ политическую мысль и становится отправнымъ пунктомъ политическаго развитія. Но раньше студенческая борьба представлялась для него широкимъ и новымъ поприщемъ, на которомъ можетъ найти исходъ, можетъ разрядиться запасъ революціонной энергіи и жажда дѣла. Теперь же онъ возвращается въ Кіевъ вполнѣ извѣдавшимъ новой дѣятельности, на болѣе широкомъ поприщѣ — увлекательной, захватывающей работы среди рабочаго люда. Прежде Степанъ теоретически отодвигалъ на второй планъ студенческое дѣло и приписывалъ ему чисто вспомогательное значеніе. Теперь оно фактически отодвинулось для него на второй планъ въ силу естественнаго психологическаго процесса, — оно, даже какъ вспомогательное, потускнѣло, поблѣднѣло для него, утратило яркость красокъ и свѣжесть новизны, затмилось другимъ дѣломъ, болѣе роднымъ и важнымъ... Онъ охладѣлъ къ студенческому движенію, онъ жаждалъ всѣ свои силы отдать рабочему дѣлу — и сдѣлалъ это.

Ему предстояло набрать товарищей и сотрудниковъ. Съ этою цѣлью онъ входитъ въ „Ноябрьскую Организацію“ (названную такъ въ честь ноябрьскихъ событій предыдущаго года), а затѣмъ, въ качествѣ ея представителя, въ Союзный Совѣтъ, и тамъ жадно присматривается къ людямъ, сближаясь съ лучшими и наиболѣе подходящими изъ нихъ уже на почвѣ плановъ обще-революціоннаго характера.

Любопытноно, что въ своихъ автобіографическихъ запискахъ онъ почти не упоминаетъ о событіяхъ студенческаго движенія за этотъ періодъ. Эти событія для него какъ бы не существуютъ. Они проносятся мимо; онъ по прежнему принимаетъ въ нихъ участіе,

оставаясь тѣмъ же рѣшительнымъ, цѣльнымъ, энергичнымъ Балмашевымъ: но они затрогиваютъ его лишь поверхностно и не оставляютъ глубокаго слѣда въ его душѣ... Видно, что онъ весь поглощенъ чѣмъ то другимъ, болѣе важнымъ и серьезнымъ...

А между тѣмъ и студенческой работы было не мало. Заигрыванія правительства и комедія „сердечнаго попеченія“ на минуту ослѣпили было многихъ. Даже среди бывшихъ „студентовъ-солдатъ“ одно время были такіе, которые готовы были пойти на удочку и принять въ серьезъ медовыя рѣчи „новаго курса“. И если, въ общемъ, студенчество такъ быстро и такъ рѣшительно отвергло всѣ компромиссы, если маски были сорваны, и жалкое лицемѣріе правительственной клики было тотчасъ же выставлено въ его настоящемъ свѣтѣ — то это стоило долгой и упорной борьбы, настойчивой и неустанной агитаціи. Собирались сходки, проводились резолюціи, облетѣвшія всю Россію и послужившія образцомъ для подобныхъ же резолюцій въ другихъ университетскихъ городахъ. Кіевскій Университетъ и Политехникумъ наводнялись нелегальной литературой — печатной и гектографированной, брошюрами и прокламаціями, изданіями періодическими и неперіодическими. Балмашевъ не появлялся въ университетѣ иначе, какъ съ тюками книгъ и воззваній. Союзный Совѣтъ долженъ былъ выдѣлить особую агитаціонную коммиссію, гдѣ, конечно, нашелъ себѣ мѣсто и Степанъ. Затѣмъ пошла долгая борьба съ комитетомъ старостъ, на которыхъ пыталось опереться и которыхъ старалось всячески приручить университетское начальство. Политика оппортунизма, политика умѣренности и аккуратности, которую пытались проводить старосты, встрѣтила рѣшительный отпоръ, множество старостъ должно было подать въ отставку и было замѣнено новыми. И тутъ дѣло не могло обойтись безъ Балмашева, выбраннаго старостой на его курсѣ. Радикальной части студенчества пришлось вновь столкнуться и съ националистическимъ теченіемъ, которое попыталось мобилизировать свои силы на шовинистской лекціи профессора Вергуна, гдѣ „кончился пиръ ихъ бѣдою“. Контръ-манифестація студентовъ-радикаловъ привела къ рѣзкому столкновенію, закончившемуся свалкой. Съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ даже стулья, и Балмашевъ былъ, какъ всегда, въ центрѣ бурнаго столкновенія... Послѣ Рождества предполагались безпорядки, но Балмашевъ уже не думалъ принимать въ нихъ участія; онъ, напротивъ, поспѣшилъ заранѣе уѣхать изъ Кіева, не желая попасться изъ за какого нибудь пустяка...

Изъ ближайшихъ товарищей-студентовъ и изъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ рабочихъ Балмашевъ организовалъ въ это время

„Кіевскій Союзъ Соціалистовъ". Этотъ „Союзъ" имѣлъ вполнѣ опредѣленную и твердую программу, недопускавшую никакихъ перетолкованій. Онъ задавался цѣлью пропагандировать среди кіевскихъ рабочихъ идеи соціализма и политической свободы; агитировать среди нихъ, при чемъ политическая агитація не ставилась въ необходимую и всегда обязательную связь съ экономической; популярная тогда „теорія стадій" (сначала экономическая борьба, затѣмъ введеніе въ нее требованій отдѣльныхъ политическихъ правъ — затѣмъ расширеніе ихъ до требованія политической свободы вообще), пущенная въ ходъ сторонниками „Рабочаго Дѣла", рѣшительно отвергалась; на первый планъ выдвигалась политическая агитація; однимъ изъ могучихъ средствъ борьбы и самозащиты признавался политическій терроръ.

Но для Балмашева „признавать" и „дѣлать" были синонимами. Когда онъ считалъ что нибудь необходимымъ и видѣлъ, что это „необходимое" не дѣлается — онъ долженъ былъ идти и своимъ примѣромъ увлекать другихъ. Такова ужъ была его натура — удивительно цѣльная, закругленная, гармонически-законченная — точно высѣченная изъ одного куска гранита...

И это время — время, когда въ немъ созрѣло *такое* рѣшеніе — всѣ обаятельныя черты его нравственной личности, казалось, еще сильнѣе и рѣзче выдвинулись на первый планъ. Немногіе знали, *что* творится въ его душѣ. Та особая серьезность, которая свѣтилась въ глубинѣ его чистыхъ, правдивыхъ глазъ; та особенная нѣжность, которая проявлялась иногда въ его отношеніяхъ къ товарищамъ; вспыхнувшая съ новой силой привязанность къ глубоко любимому и уважаемому имъ отцу; особая строгость къ мельчайшимъ движеніямъ души, лежавшимъ въ сторонѣ отъ того главнаго русла душевной жизни, которое вело его къ великой жертвѣ — вотъ и всѣ тѣ признаки, которые отражали внутреннюю работу, затаенную почти для всѣхъ...

Казалось, онъ оставался тѣмъ же немного суровымъ и неподвижнымъ „старовѣромъ", со внѣшнимъ обликомъ пуританина, съ нелюбовью къ внѣшнимъ эффектамъ, съ спартанской простотой истаго „человѣка дѣла". Но подъ грубоватой внѣшностью онъ хранилъ сильное, горячее чувство любви. Только выказывать, обнаруживать его онъ не любилъ. Есть натуры, чувство которыхъ слишкомъ глубоко, чтобы одѣваться въ обыденный, будничный костюмъ избитыхъ, испошленныхъ, затасканныхъ словъ, которыя могутъ только оскорбить и какъ будто опошлить самое чувство. И Степанъ, какъ всѣ подобныя чистыя, цѣломудренныя натуры, былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно застѣнчивымъ и не лю-

билъ никогда говорить о „святая святыхъ" своего внутренняго міра. А между тѣмъ именно въ это трудное, критическое время своей жизни онъ, очевидно, страдалъ отъ того, что не имѣлъ такого близкаго, всецѣло знающаго и понимающаго его друга, въ которомъ онъ могъ бы найти нравственную поддержку — онъ, который всегда являлся сильнѣйшей нравственной поддержкой для товарищей... Онъ чувствовалъ недостатокъ въ человѣкѣ, который любилъ бы въ немъ не товарища-дѣятеля, не соціалиста и революціонера, а лично его, Степана Балмашева, какъ конкретную индивидуальность. Кое кому изъ его друзей нерѣдко казалось, что у него была жгучая потребность въ близкомъ человѣкѣ, въ болѣе близкомъ сердечномъ теплѣ и участіи. Но условія революціонной работы рѣдко позволяютъ не только съ другими дѣлиться этими, казалось бы, вполнѣ законными „сантиментами", но даже и самому долго на нихъ останавливаться. И Степанъ не дѣлалъ никакихъ внѣшнихъ шаговъ для обнаруженія этой потребности. Только легкое облачко грусти, набѣгавшее на его хорошее лицо, казалось, говорило порой о ней. Но недаромъ онъ былъ аскетъ, „старовѣръ", классическій образчикъ человѣка, который боится словъ, который знаетъ только одно искреннее чувство и неизмѣнно выражаетъ его — въ дѣлѣ. Онъ даже не любилъ говорить о своихъ симпатіяхъ къ тому или другому человѣку — а между тѣмъ сердце его умѣло чувствовать чужое горе, чужія страданія сильнѣе и ближе, чѣмъ свои, и чутко отзывалось на каждый искренній привѣтъ, на каждую сердечную ласку; онъ горячо чувствовалъ, онъ, такъ сказать, улавливалъ на лету каждую искреннюю, отъ души идущую нотку...

И даже у этого суроваго „старовѣра" это время все чаще повторялись минуты „душевной оттепели", когда онъ полураскрывалъ передъ товарищами свою душу. Многимъ изъ его друзей памятенъ, напримѣръ, одинъ вечеръ, когда послѣ цѣлаго дня бѣготни по длиннымъ гористымъ концамъ Кіева, они забрались тѣснымъ кружкомъ къ нему, въ его квартиру на краю города. Балмашевъ былъ въ какомъ то особенномъ настроеніи. Ему, видимо, что то не терпѣлось...

— А ну, господа, кто это? — сказалъ онъ вдругъ, доставая изъ комода конвертъ и вынимая изъ него фотографическую карточку. Передъ глазами собравшихся мелькнуло какъ будто знакомое лицо: откинутые назадъ длинные, слегка волнистые волосы; большой открытый, съ характерными выпуклостями лобъ; энергичный и свѣтящійся мыслью взглядъ изъ подъ слегка нависшихъ бровей; съ просѣдью борода, лицо мыслителя-революціонера. Кто то,

мелькомъ взглянувъ на карточку, уже назвалъ имя Карла Маркса.

— Это — мой отецъ, съ нескрываемой гордостью пояснилъ Балмашевъ. Когда мнѣ случалось этотъ портретъ другимъ показывать, многіе съ перваго взгляда принимали было за Маркса.

И долго послѣ этого Степанъ, стряхнувъ наружный холодъ и равнодушіе, съ любовью и гордостью разсказывалъ о своемъ отцѣ, о его революціонномъ прошломъ, о его теперешней жизни, о его прекрасной душѣ — и видно было, какъ безконечно дорогъ былъ ему послѣдній... Но никто не зналъ, почему на Степана, съ виду не то застѣнчиваго, не то замкнутаго, вдругъ нашло такое лирическое настроеніе...

— Что братъ? — замѣтилъ одинъ изъ друзей, смѣясь. Видно, вырождаются поколѣнія то?

— Вырождаются... улыбнулся Степанъ. — Гдѣ ужъ мнѣ! Добавилъ онъ, смотря на фотографію, и его обыкновенно суровое лицо озарилось нѣжностью и любовью.

— Еще обростешь бородою, — пошутилъ кто то. Поживи съ его!

...Не сбылось это пожеланіе друга... Не судилъ рокъ...

Памятенъ для друзей и другой разговоръ въ тѣсномъ кругу близкихъ людей. Рѣчь зашла о Сипягинскихъ циркулярахъ, бывшихъ въ то время злобою дня. Одинъ изъ разговаривавшихъ замѣтилъ, что спокойно и хладнокровно убилъ бы такого звѣря во образѣ человѣческомъ, какъ Сипягинъ, и что ни на минуту не мелькнула бы у него мысль, что передъ нимъ *человѣкъ*. Всѣ чувствовали то же самое и громко высказали это. Одинъ Степанъ промолчалъ. Всѣ замѣтили это и не знали, какъ объяснить его молчаніе. И только потомъ поняли они, какъ много долженъ былъ онъ перечувствовать, передумать и перестрадать прежде, чѣмъ удалось ему одержать надъ собою эту тяжелую нравственную побѣду.

* * *

Степанъ, между прочимъ, оставилъ рукопись небольшого разсказа „Рѣшеніе Николая“. Разсказъ этотъ интересенъ, конечно, не какъ беллетристическое произведеніе — никакими художественными достоинствами онъ не блещетъ. Онъ интересенъ, какъ матеріалъ для біографіи Степана, для характеристики его собственной психологіи. Такъ много своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей вложилъ авторъ въ уста героя этого разсказа, Николая, переживающаго страшныя мученія нравственной боли, прежде чѣмъ принять роковое рѣшеніе и „съ помощью свинца заставить искривиться сытую улыбку временщика въ гримасу отъ боли“...

Николай — alias Степанъ — съ гимназической скамьи посвящаетъ себя распространенію идей равенства, братства и свободы; закаляемый ранними бурями, онъ „смѣло, съ вѣрой глядитъ впередъ и твердыми, неуклонными шагами подвигается къ своей цѣли“. Въ извѣстномъ смыслѣ, это — „человѣкъ не отъ міра сего“. „Едва замѣтная ложь, чуть пробивающаяся неправда больно кололи его и вызывали въ немъ взрывъ обличенія. Малѣйшее расхожденіе дѣла со словомъ, бывшимъ въ его устахъ всегда высоко-нравственнымъ, заставляли его сильно и глубоко страдать“... Съ наивно-идеалистической вѣрой въ силу правды вступаетъ онъ въ жизнь. „Будучи убѣжденъ, что проповѣдь добра и словомъ, и дѣломъ всесильна и универсальна, и, съ теченіемъ времени, приведетъ къ желанному будущему безъ помощи насилія, онъ весь, съ пыломъ и жаромъ искренней и цѣльной натуры отдался этому дѣлу“. Но скоро его идеализмъ столкнулся съ суровыми условіями реальной жизни, отрезвившей его отъ мечтательныхъ грезъ... Онъ попадаетъ въ тюрьму. „Тутъ же, въ тюрьмѣ въ немъ зародился вопросъ, на который его натолкнули псы царскаго произвола — что желательнѣй: клеветать ли на себя, оправдываясь передъ продажными слугами правительства, для ускоренія слѣдствія и облегченія наказанія и для того, чтобы скорѣе вновь обрѣсти поле дѣятельности — или же отдаться долгой изоляціи отъ общества, но остаться неуязвленнымъ и правдивымъ въ показаніяхъ относительно себя? — Вопросъ этотъ заползъ въ душу Николая незамѣтно, какъ змѣя. Ощутивъ его сначала въ туманной формѣ, Николай — за одно лишь допущеніе его — сталъ себя истязать; онъ началъ считать себя самымъ несчастнымъ и самымъ подлымъ человѣкомъ на свѣтѣ... Такъ ложь и даже помыслы о ней противорѣчили его чистой, далекой отъ компромиссовъ натурѣ. Она звучала диссонансомъ въ гармоніи его душевной лиры. Но мысль объ этой лжи, вопреки его волѣ, становится все назойливѣй. Жажда активной дѣятельности, принесенія пользы ближнему жжетъ сердце Николая. И вотъ борьба становится жестокой, безпощадной, страшной, потрясающей“... Наконецъ, совершается ломка. Цѣной компромисса, лжи, противныхъ для него увертокъ онъ покупаетъ свободу. Онъ — снова работникъ на благо родины, но родникъ его души замутился горькой отравой. Онъ надѣвалъ на себя маску... „Съ кровью въ сердцѣ отъ боли, онъ признавалъ законностью — беззаконіе, справедливостью — произволъ и правдою — кривду!“

Всѣмъ, кто зналъ, какъ страдалъ Степанъ еще гимназистомъ, вынужденный подтверждать слова отца, который выгораживалъ

его изъ одной исторіи, принимая на себя кое какія рукописи сына, узнаетъ въ этой картинѣ зеркало, съ точностью отражающее все, что нѣкогда переживалъ самъ авторъ „Рѣшенія Николая“.

Нетрудно представить себѣ, насколько тяжелѣе было для нѣжной, идеалистической души, которую такъ глубоко оскорбляла даже необходимость надѣвать личину передъ жандармами, — принять другое рѣшеніе, еще болѣе страшное, еще болѣе идущее въ разрѣзъ съ естественными человѣческими чувствами — пролить человѣческую кровь. Въ „Рѣшеніи Николая“ передъ нами ярко встаетъ картина этой внутренней борьбы — когда чувство поднимаетъ бунтъ противъ разума и воли. Герой разсказа, увлеченный широкимъ разливомъ пропагандистскаго движенія, омрачается при видѣ страшныхъ правительственныхъ репрессалій, имѣющихъ цѣлью сѣять повсюду панику, убивать духъ смѣлаго протеста, наглядно демонстрировать силу власти и безсиліе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Онъ все больше разувѣривается въ правильности прежняго, исключительно мирнаго пути; психологическая необходимость отпора для избѣжанія возможной деморализаціи выясняется для него все больше и больше. Ему рисуется движеніе, выработавшее себѣ спеціальные боевые органы, съ болѣе смѣлымъ и широкимъ революціоннымъ размахомъ, вышедшее изъ мелководья повседневной частичной борьбы и извилинъ тайной кружковой пропаганды на ухо. „Есть что то болѣе смѣлое, что сможетъ заставить остановиться дикую оргію произвола, что явится смѣлымъ вызовомъ на борьбу, что послужитъ страшнымъ ударомъ, несущимъ дыханіе смерти гидрѣ самодержавнаго произвола, топчущаго въ грязь всѣ проблески истины!“ Но противъ смѣны оружія животворящаго слова на смертоносное оружіе битвъ властно протестуетъ чувство человѣчности, отвращенія къ страшному дѣлу крови. Острая боль охватываетъ все существо Николая; трудная, сопряженная со страданіями работа мысли, будитъ самыя противоположныя чувства, борьба которыхъ отражается въ его глазахъ: „то вспыхнетъ огонекъ ненависти, то потухнетъ, какъ бы залитый свѣтомъ доброты, обычнымъ свѣтомъ его большихъ глазъ.“ И вотъ — окончательное, безповоротное рѣшеніе пронизываетъ, словно электрической искрой, тѣло Николая, въ то же время, наполняя его душу скорбью, словно по какому то дорогому покойнику. И дѣйствительно — то кончились послѣднія, предсмертныя конвульсіи идеальной доброты отъ властнаго натиска мысли о необходимости и законности кроваваго насилія въ борьбѣ со зломъ. И рѣшающую роль въ рѣшеніи Николая играетъ кровавая расправа правительства съ мирными демонстрантами — рабочими.

Послѣ этого „отвращеніе къ оружію и убійству, проникавшее дотолѣ все существо Николая, начало, незамѣтно для него самого, растворяться въ остромъ негодованіи при видѣ вооруженнаго насилія надъ безоружными демонстрантами. „Смерть за смерть... кровь за кровь! вотъ что теперь раскаленнымъ желѣзомъ сверлило его мозгъ. А абсолютная нравственность, запрещающая убійство при всякихъ обстоятельствахъ? Гдѣ же она? О! отъ нея остался только осадокъ, какъ отъ раствореннаго кристалла... Насильники русскаго правительства много сдѣлали для того, чтобы растворить этотъ чистый кристаллъ его юной души...“

Николай убиваетъ шефа жандармовъ и на 20 лѣтъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Но „самочувствіе Николая осталось свѣтлымъ и бодрымъ. „Исполненный долгъ!“ — подъемъ духа отъ этого сознанія и удовлетворенная совѣсть окрасили въ розовый тонъ его холодную, мрачную могилу и поддерживали его до послѣдняго дня жизни“.

* *
*

Таковъ былъ — mutatis mutandis — процессъ нравственной ломки, который былъ пережитъ Степаномъ въ этомъ году. Но не у одного Степана эволюціонировала мысль въ эту сторону. Всюду назрѣвала та же потребность въ чемъ то болѣе широкомъ, смѣломъ, боевомъ и революціонномъ, чѣмъ движеніе предыдущаго времени, замкнутое въ узкихъ рамкахъ. Чувствовалось вѣяніе чего то новаго. Всѣ ждали революціонной программы, болѣе соотвѣтствующей усложнившимся требованіямъ времени. Одной изъ попытокъ революціоннаго синтеза, имѣвшей въ виду удовлетворить этой потребности, было соглашеніе, на основаніи котораго произошло объединеніе двухъ революціоныхъ организацій — южной „Партіи Соц.-Рев.“, особенно подчеркивавшей важность болѣе широкаго массового движенія, берущаго исходнымъ пунктомъ рабочее движеніе городовъ, но распространяющагося далѣе, на деревни, на трудовую массу крестьянства — и сѣвернаго „Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ“, особенно подчеркивавшаго значеніе непосредственной борьбы съ правительствомъ, ведомой боевымъ революціоннымъ авангардомъ въ связи съ движеніемъ рабочихъ массъ. Образованіе изъ двухъ этихъ организацій объединенной „Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“ съ широкой программой одновременной организаціи массоваго движенія въ городѣ и деревнѣ и, въ связи съ массовымъ движеніемъ, непосредственной борьбы съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительственнаго механизма — имѣ-

ло огромное значеніе для разбросанныхъ прежде соціально-революціонныхъ силъ, стремленія которыхъ тою или другой стороной выходили, выбивались изъ узкихъ рамокъ движенія предшествовавшаго періода. Складывавшаяся новая партія постепенно объединяла многіе группы и кружки, которые и до того времени давно ждали, чтобы было, наконецъ, смѣло и высоко поднято революціонное знамя, достаточно широкое, чтобы подъ нимъ нашли мѣсто всѣ виды, всѣ формы приложенія здоровой революціонной энергіи для болѣе интенсивной и рѣшительной борьбы.

Это стремленіе къ объединенію всѣхъ социално-революціонныхъ силъ захватило и организованный Балмашевымъ „Кіевскій Союзъ Соціалистовъ“. Онъ недолго существовалъ въ качествѣ обособленной, самостоятельной организаціи. Внѣшнимъ результатомъ его дѣятельности была лишь одна прокламація — о франко-русскомъ союзѣ — печатанная на каучуковомъ шрифтѣ. Затѣмъ послѣ начавшихся еще осенью переговоровъ „Союзъ“ слился формально съ Кіевскимъ Комитетомъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ и отъѣздъ Балмашева изъ Кіева. Прощаясь, онъ говорилъ, что вернется, вѣроятно, „не такъ скоро“, что почва для движенія вполнѣ подготовлена и что университетъ въ немъ, Балмашевѣ, болѣе не нуждается...

Объединявшаяся Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ переживала въ это время періодъ напряженной, лихорадочной организаціонной работы. Предстояло выступить рѣшительно и энергично, какъ того и требовалъ критическій моментъ, переживавшійся Россіей. Организація силъ, работавшихъ на мѣстахъ, стремленіе расширить ихъ связи и сферу воздѣйствія ихъ на массу, созданіе центральнаго органа, который могъ бы объединять и координировать дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ — такова была одна сторона задачи. Другая сторона задачи заключалась въ скорѣйшемъ началѣ непосредственной борьбы, въ созданіи спеціальнаго органа, который могъ бы пользоваться острымъ оружіемъ террора, при условіяхъ, возможно болѣе гарантирующихъ успѣхъ дѣла и minimum урона для организующейся и крѣпнущей партіи.

Въ принципѣ по вопросу о террорѣ разногласій въ средѣ партіи давно уже не было. Возможность, цѣлесообразность, въ иные моменты даже неизбѣжность борьбы террористическими средствами признавались всѣми. Сложнѣе и труднѣе были вопросы: какой моментъ избрать для выступленія на это поприще? Какъ организовать пользованіе террористическими средствами борьбы, чтобы достигнуть наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ

затратахъ силъ? Кому взять на себя иниціативу въ этомъ направленіи — партіи, какъ цѣлому, или группѣ добровольцевъ изъ числа ея членовъ?

Вопросы эти были чрезвычайно важны, при ихъ рѣшеніи требовалась особая осмотрительность и осторожность, особенно въ виду очень распространенныхъ предубѣжденій и предразсудковъ относительно террора, будто бы фатально ослабляющаго массовую организацію, отвлекающаго и поглощающаго слишкомъ много силъ и т. п.

Съ другой стороны, опытъ всего нашего революціоннаго движенія былъ лучшимъ доказательствомъ того, что „боевыя организаціи“, „дезорганизаторскія группы“ и даже „Исполнительные Комитеты“ не создаются декретами, не выходятъ готовыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера, изъ засѣданій какихъ нибудь съѣздовъ, а вырабатываются въ самомъ процессѣ борьбы, сплачиваются путемъ самостоятельнаго естественнаго подбора въ огнѣ битвы. И вотъ почему нѣсколько членовъ партіи, руководясь ея положительнымъ, благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса о террорѣ въ принципѣ, рѣшили организовать строго обособленную, конспиративную группу для дѣятельности въ духѣ этого партійнаго рѣшенія. Эта группа рѣшила взять на себя иниціативу и послѣ перваго ея выступленія была облечена извѣстными полномочіями со стороны всей партіи и изъ иниціативной боевой группы, зародившейся въ нѣдрахъ партіи, превратиться въ центральный ея боевой органъ — въ Боевую Организацію Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ сентябрѣ 1901 г. эта иниціативная группа (или „Боевая Организація Соціалистовъ-Революціонеровъ“ — какъ она подписалась подъ первою своей прокламаціей, непосредственно послѣ дѣла 2-го апрѣля,) была совершенно сформирована, и первый же приговоръ былъ вынесенъ министрамъ Сипягину и Побѣдоносцеву.

Но приступить къ немедленному исполненію приговора Боевая Организація не могла, такъ какъ, по общему мнѣнію ея членовъ, террористическіе удары должны были наноситься въ моменты, благопріятные для демонстрацій и другихъ формъ выраженія массоваго сочувствія такимъ фактамъ.

Осень 1901 года была признана въ этомъ отношеніи моментомъ крайне неблагопріятнымъ. Отношеніе студенческой массы къ новому курсу „сердечнаго попеченія“, какъ мы уже видѣли, опредѣлилось далеко не сразу. Студенчество только въ ноябрѣ начало организовываться. Въ большинствѣ университетовъ началось бро-

женіе, но оно должно было по необходимости прерваться изъ за рождественскихъ каникулъ. Въ рабочей средѣ, гдѣ осень и безъ того — неблагопріятное время для движеній, такъ какъ наплывъ въ городѣ дешевыхъ деревенскихъ рукъ заставляетъ крѣпко держаться за мѣсто, въ этомъ году положеніе крайне ухудшилось изъ за кризиса.

Такъ какъ партія рѣшила мобилизовать свои силы для совмѣстнаго выступленія рабочихъ и студентовъ на улицу *къ 19 февраля*, Боевая Организація пришла къ убѣжденію, что исполненіе приговора лучше всего отложить до первыхъ чиселъ февраля.

Наступившія событія измѣнили весь планъ. Студенчеству не удалось сорганизовать и приберечь свои силы къ опредѣленному моменту. Волненіе въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ, разыгравшееся совершенно неожиданно и преждевременно, вызвало рядъ уличныхъ демонстрацій въ Харьковѣ, сопровождавшихся звѣрской расправой полиціи. Студенческія организаціи, несмотря на первоначальное рѣшеніе пріурочить свое выступленіе къ 19 февраля — вмѣстѣ съ рабочими, — вынуждены были въ первыхъ же числахъ января поддержать протестъ противъ насилія надъ харьковскими и екатеринославскими товарищами. Кіевскія революціонныя и студенческія организаціи назначаютъ демонстрацію на 2 февраля; въ Москвѣ студенчество выступаетъ 8-го февраля, въ Петербургѣ 8-го же февраля совершенно неожиданно разыгрывается возмутительное избіеніе студентовъ въ Народномъ Домѣ.

Такимъ образомъ, волна демонстрацій прокатывается съ юга на сѣверъ, прокатывается не планомѣрно, застигая врасплохъ революціонныя организаціи, не давая возможности подготовительнымъ работамъ въ фабричной средѣ принять надлежащіе размѣры. Участіе въ движеніи рабочихъ оказывается далеко не столь внушительнымъ, какимъ оно могло бы быть, еслибъ революціоннымъ организаціямъ не пришлось дѣйствовать такъ наскоро.

Какъ бы то ни было, уже въ первыхъ числахъ февраля ясно было, что къ 19 февраля широкаго массового движенія не состоится, что силы будутъ раздроблены и настроеніе недостаточно приподнятое.

Боевой Организаціи приходилось или выбирать другой моментъ, или, не разсчитывая на массовую поддержку, совершить свой актъ, полагаясь на сочувствіе широкихъ общественныхъ круговъ, возмущенныхъ всѣми ужасами только что совершившихся Сипягинскихъ репрессій, передъ которыми блѣднѣли его преступленія,

за которыя онъ уже былъ приговоренъ къ смерти Боевой Организаціей.

Она склонилась сначала ко второму рѣшенію, къ немедленной казни Сипягина и Побѣдоносцева, но скоро перемѣнила это рѣшеніе, несмотря даже на то, что возмутительное избіеніе демонстрантовъ 3 марта въ Петербургѣ и вскорѣ затѣмъ дошедшія извѣстія объ ужасномъ батумскомъ убійствѣ безоружныхъ рабочихъ — взывали къ отомщенію.

Дѣло въ томъ, что Боевая Организація получила изъ вѣрнаго источника новыя свѣдѣнія. Сипягинъ, воспользовавшись демонстраціей 3 марта, настаиваетъ на полученіи чрезвычайныхъ полномочій для борьбы съ революціей. Въ хорошо освѣдомленныхъ кругахъ Петербурга говорили, что въ ближайшіе дни будетъ произведенъ всероссійскій погромъ, чтобъ съ корнемъ вырвать крамолу.

Боевая Организація рѣшаетъ, что убивать двухъ главарей реакціи наканунѣ готовящагося разгрома неудобно, такъ какъ общество приняло бы этотъ разгромъ за результатъ убійства. 7-го марта принимается рѣшеніе провѣрить основательность сообщенія. Въ случаѣ, если разгромъ предполагается въ ближайшемъ будущемъ, — то изолировать и обезопасить главный составъ Боевой Организаціи, и нападеніе на Сипягина и Побѣдоносцева совершить на второй же день послѣ разгрома.

Несмотря на всѣ старанія, въ теченіе цѣлой недѣли удавалось получить только самыя разнорѣчивыя данныя, и только 17 марта получилось достовѣрное извѣстіе, что вопросъ о разгромѣ еще окончательно не рѣшенъ.

Скоро получилось другое, въ высшей степени важное свѣдѣніе, что положеніе Сипягина сильно пошатнулось. На засѣданіи государственнаго совѣта, кажется, по поводу введенія земства въ юго-западныхъ губерніяхъ, между Сипягинымъ и кіевскимъ ген.-губ. Драгоміровымъ произошло бурное столкновеніе, послѣ котораго Сипягинъ мчится во дворецъ съ заявленіемъ, что при такихъ условіяхъ онъ служить не можетъ. Николай на это заявленіе ничего опредѣленнаго не отвѣчаетъ, — и на другой день „весь Петербургъ“ говоритъ о томъ, что положеніе недавняго временщика сильно пошатнулось. Къ этому присоединились столкновеніе съ московскимъ Сергѣемъ, козни оспаривающаго его лавры Витте и т. п. Въ придворныхъ кругахъ уходъ разсерженнаго Сипягина считается очень вѣроятнымъ.

Убивать Сипягина послѣ отставки Боевая Организація, конечно, не могла, но оставить безнаказанными всѣ преступленія человѣка,

залитаго слезами и кровью опозоренной имъ Россіи, — было бы тяжелымъ ударомъ для общественной совѣсти.

Революціонеру важна не замѣна Сипягина какимъ нибудь другимъ министромъ. Не для этого Боевая Организація остановила на Сипягинѣ свой выборъ. Мы боремся не съ лицами, а съ системой. Наши удары могутъ направляться на лицъ лишь постольку, поскольку въ нихъ воплощается и болѣе или менѣе полно олицетворяется система. Возможность ухода Сипягина по собственной волѣ, поэтому, не можетъ остановить карающей руки революціи. Напротивъ — Боевая Организація не считаетъ возможнымъ болѣе медлить и рѣшаетъ приступить къ выполненію давно рѣшеннаго приговора.

Что касается организаціи самаго дѣла 2-го апрѣля, то — по соображеніямъ конспиративнаго характера — мы должны обойти большинство подробностей, особенно же все, что относится къ совершенно случайно неудавшемуся нападенію на Побѣдоносцева. Мы ограничимся тѣми свѣдѣніями, которыя ничего не могутъ прибавить къ тому, что уже извѣстно нашимъ врагамъ объ организаціи этого дѣла.

Осенью 1901 года, какъ мы уже говорили, Боевая Организація была совершенно сформирована, и правильность ея внутренняго устройства была испытана впослѣдствіи тѣмъ, что она могла исполнить свою первую задачу въ такой моментъ, когда весь Петербургъ подвергся яростному разгрому, и притомъ такимъ образомъ, что правительству не удалось ничего существеннаго раскрыть, не удалось произвести ни одного ареста, имѣющаго какое либо отношеніе къ дѣлу 2 апрѣля. И это несмотря на то, что приходилось довольно долго слѣдить за министрами, такъ какъ первыя же наблюденія показали, что обычнымъ путемъ къ нимъ проникнуть не было никакой возможности.

Когда члены Б. О., которые должны были произвести нападеніе, были уже намѣчены, поступило (въ сентябрѣ 1901 г.) предложеніе принять новаго члена на активную роль, С. В. Балмашева.

Свиданіе члена организаціи со С. В. произвело на перваго сильное, неотразимое впечатлѣніе. Въ этомъ еще очень молодомъ человѣкѣ чувствовалась громадная вѣра въ свое дѣло, непоколебимое рѣшеніе отдать ему свою только что расцвѣтающую жизнь. Несмотря на свои годы, онъ уже много работалъ на революціонномъ поприщѣ, но еще больше передумалъ и перестрадалъ. Онъ зналъ, что можетъ еще много работать въ качествѣ рядового революціонера, но считалъ, что въ настоящій серьезный моментъ русской жизни нужны люди, готовые отдать сразу всего себя въ жертву,

чтобы добиться максимальнаго результата. Разъ дойдя до этого рѣшенія, онъ уже стремился осуществить его всѣми силами своей души... Въ этомъ заключался теперь для него лично — весь смыслъ его жизни. Онъ понималъ, что нужно обладать большимъ умѣньемъ, способностью, чтобы жить честно въ наше ужасное время. Но теперь его влекло къ себѣ другое: умереть съ сознаніемъ, что ты далъ такъ много, много общему дѣлу...

Обо всемъ этомъ не было сказано ни слова ни при первомъ свиданіи, ни при дальнѣйшихъ продолжительныхъ бесѣдахъ. Но это сквозило въ каждомъ движеніи Степана, въ его добрыхъ задумчивыхъ сѣрыхъ глазахъ, въ ясной улыбкѣ, озарявшей его блѣдное, схимническое лицо, въ дрожи его громкаго грудного голоса, въ характерномъ встряхиваніи его головы, покрытой длинными, тонкими бѣлокурыми волосами, во всей прекрасной юношеской фигурѣ этого „старовѣра“...

Объ этомъ не говорилось, такъ какъ ему самому это казалось такимъ простымъ и естественнымъ, что объ этомъ и говорить то нечего.

При первомъ же свиданіи выяснилось, что одинъ изъ предназначавшихся къ нападенію долженъ будетъ уступить на время свой мученическій вѣнецъ Степану Валерьяновичу. Онъ слишкомъ страстно стремился къ этому, онъ съ трепетомъ ждалъ рѣшенія, боясь, что его молодость будетъ препятствіемъ... Все время, пока наводились справки, пока не былъ ему окончательно сообщенъ результатъ, Степанъ находился въ угнетенномъ состояніи. Но когда въ концѣ января ему было заявлено, что вскорѣ онъ долженъ будетъ осуществить задуманный планъ, онъ сразу повеселѣлъ и не терялъ уже до конца жизни своего свѣтлаго, радостнаго настроенія.

Въ среднихъ числахъ февраля Балмашевъ скрылся изъ Саратова, а 24 марта пріѣхалъ въ Петербургъ.

Планъ — явиться въ госуд. совѣтъ, въ качествѣ адъютанта Сергѣя, — былъ принятъ Степаномъ восторженно. Онъ сулилъ полный успѣхъ. Съ изумительнымъ хладнокровіемъ онъ обсуждалъ всѣ детали этого плана. Ни на минуту не останавливался онъ на мысли о спасеніи, боясь, что это можетъ сильно повредить осуществленію. Онъ нисколько не сомнѣвался, что будетъ казненъ, относясь къ этому даже юмористически, — и выражалъ сожалѣніе, что передъ накидываніемъ петли закрываютъ голову саваномъ... Когда ему предложена была одна новая комбинація, при которой была надежда помочь ему скрыться, онъ сильно обрадовался: „вотъ бы хорошо! я могъ бы тогда самъ взять на себя и

Побѣдоносцева!“ И это было все, чѣмъ порадовалъ его новый планъ! Когда же ему разъяснили, что послѣднее невозможно, онъ сразу рѣшительно отказался отъ этой комбинаціи, такъ какъ при ней казался менѣе обезпеченнымъ успѣшный исходъ покушенія...

Жить въ Петербургѣ до 2-го апрѣля Балмашеву было опасно, такъ какъ это былъ разгаръ дѣятельности охраны: шпіоны рыскали повсюду, во всѣхъ воротахъ стояли дворники... То былъ разгаръ Петербургскаго разгрома. Послѣ того, какъ планъ былъ хорошо изученъ, топографія мѣста нападенія стала ему хорошо знакома, Балмашевъ уѣхалъ въ Выборгъ. Приняты были нѣкоторыя мѣры, чтобы пребываніе его здѣсь стало извѣстно — послѣ ареста — полиціи, такъ какъ это давало возможность навести полицію на ложную дорогу и не дать ей возможности раскрыть что либо по свѣжимъ слѣдамъ въ Петербургѣ. И дѣйствительно — послѣ 2-го апрѣля всѣ, принимавшіе участіе въ дѣлѣ, чувствовали себя вполнѣ спокойно, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ, при покупкѣ нужныхъ вещей, вездѣ выступалъ только одинъ Балмашевъ, и хозяева магазиновъ не могли дать полиціи никакихъ новыхъ указаній. Правительству оставалось ухватиться за послѣднее средство. Впослѣдствіи оно возило по разнымъ городамъ (напримѣръ, привозило въ Саратовъ послѣ демонстраціи въ память Балмашева) хозяевъ гостинницы, гдѣ останавливался Балмашевъ, ради слабой надежды, что этотъ финляндецъ или его жена признаютъ въ комъ нибудь лицо, которое имѣло съ Балмашевымъ свиданіе въ гостинницѣ. Но всѣ розыски остались тщетными.

Чтобы вывести Степана изъ состоянія тягостнаго бездѣйствія, во время одиночества и выжиданія передъ 2 апрѣля, товарищи по дѣлу предложили ему набросать что нибудь вродѣ воспоминаній или автобіографіи, а также изложить свои взгляды на терроръ. Къ сожалѣнію, рукопись, содержавшая его „мысли о террорѣ“, по независащимъ обстоятельствамъ, погибла. Наброски же автобіографіи его остались и послужили однимъ изъ матеріаловъ для настоящаго очерка. Жаль лишь, что Степанъ не имѣлъ времени самъ создать изъ нихъ что нибудь обработанное. Впрочемъ, едва ли бы онъ и смогъ это сдѣлать. Онъ положительно *не умѣлъ* говорить о себѣ. И въ его набросках всюду, гдѣ онъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ, мы не видимъ живого образа. Пуританинъ-авторъ скупится на краски и даетъ лишь сухую, сжатую реляцію о событіяхъ. За то въ воспоминаніяхъ дѣтства онъ съ любовью рисуетъ всякую мелочь, имѣющую очень мало значенія для обрисовки его нравственной личности. И въ этомъ

неумѣньи говоритъ о себѣ мы опять видимъ того же Балмашева, до нельзя строгаго и подозрительнаго ко всякому выдвиганію собственнаго „я“, спартанца и ригориста....

Нѣтъ нужды напоминать о томъ, какъ блестяще выполнилъ Степанъ взятое имъ на себя трудное дѣло. Хладнокровіе, точность и самообладаніе, которыя онъ проявилъ въ дѣлѣ 2-го апрѣля, затмѣваютъ все, что только мы знаемъ подобнаго въ исторіи нашего движенія. Силою воли и нравственной стойкостью онъ вполнѣ сравнялся съ его любимыми образцами — героями Народной Воли, исторію которой онъ жадно изучалъ еще въ 1899 г., и которая, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе привлекала къ себѣ его мысли. Съ легкимъ сердцемъ, безъ малѣйшей тѣни колебанія, съ глубокой вѣрой въ правильность своего новаго и послѣдняго шага по пути революціонной борьбы онъ исполнилъ суровый долгъ, налагаемый этой борьбой — и сознаніе исполненнаго долга наполнило его душу свѣтлымъ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія.

* * *

Достопамятнаго 2-го апрѣля въ 1 часъ безъ 5 мин. пополудни ка малому подъѣзду Государственнаго Совѣта (куда Сипягинъ долженъ былъ пріѣхать ровно въ 1 часъ) подкатила карета. Предупредительно подскочившій и распахнувшій дверцы швейцаръ увидѣлъ блестящаго адъютанта, небрежно-повелительнымъ тономъ заявившаго, что онъ экстренно изъ Москвы отъ Его Высочества Сергія Александровича и долженъ непремѣнно видѣть министра внутреннихъ дѣлъ. Узнавъ отъ швейцара, что министръ еще не пріѣзжалъ, офицеръ, чтобы выиграть время, приказалъ извозчику поѣхать къ нему на квартиру, но черезъ нѣсколько времени велѣлъ ему вернуться обратно и, входя, заявилъ, что лучше дождется министра въ пріемной. Поведеніе мнимаго адъютанта было такъ спокойно и естественно, передъ глазами присутствующихъ былъ такой типичный щеголь офицеръ, что не совсѣмъ обычная обстановка пріѣзда такого экстреннаго посланника отъ великаго князя, бывшаго въ остромъ конфликтѣ съ Сипягинымъ, не возбудила ни въ комъ ни на минуту даже и тѣни какихъ бы то ни было сомнѣній... Ровно въ часъ къ подъѣзду подкатила министерская карета, и Сипягинъ, предупрежденный о прибытіи экстреннаго посла отъ великаго князя Сергѣя, съ недоумѣніемъ подошелъ къ адъютанту и принялъ отъ него конвертъ... Въ то

время, какъ онъ былъ занятъ распечатываніемъ этого конверта, раздалось одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ, и, получивъ двѣ смертельныя раны, всесильный временщикъ свалился къ ногамъ юноши-революціонера... „Такъ поступаютъ съ врагами народа!“ — громко и твердо заявилъ стрѣлявшій, обращаясь къ совершенно растерявшимся и потерявшимъ голову отъ неожиданности и ужаса слугамъ...

„Я — Степанъ Балмашевъ; что я убилъ Сипягина — вы знаете, больше мнѣ говорить вамъ нечего. Всѣ ваши вопросы являются праздным любопытствомъ, удовлетворять которое я считаю совершенно излишнимъ. Права судей за вами, какъ за людьми заинтересованными, не признаю, а потому отъ дачи какихъ бы то ни было показаній безусловно отказываюсь“ — такъ заявилъ онъ при первомъ же допросѣ. Съ горькой ироніей отклонилъ онъ и вопросъ о мотивахъ убійства. „Допрашивайте всѣхъ русскихъ людей-гражданъ, почему они его не убили до сихъ поръ, почему я убилъ, для всѣхъ васъ слишкомъ ясно“... Такому поведенію Степанъ не измѣнилъ до конца...

Тотъ, кто видѣлъ, кто зналъ Степана, — легко представитъ себѣ образъ его на судѣ, его ледяное, презрительное молчаніе. Онъ даже ненавидѣть „судей“ не могъ — тогда бы онъ говорилъ; онъ презиралъ ихъ такъ, какъ только могъ презирать самоотверженный герой жалкихъ пресмыкающихся. Даже въ своемъ застѣнкѣ-судѣ, гдѣ все равно никто не видитъ и не слышитъ, послушные слуги самодержавія въ военно-судебныхъ ливреяхъ надѣваютъ маски и разыгрываютъ другъ передъ другомъ свою комедію. Въ ней Степанъ не хотѣлъ и не могъ принимать участія. Онъ воспользовался лишь своимъ правомъ послѣдняго слова, въ которомъ коротко и спокойно указалъ на ту атмосферу, въ которой ему приходилось жить и воспитываться. Вся русская жизнь подготовляла его къ политической борьбѣ. Онъ признаетъ себя не преступникомъ и не подсудимымъ, а исключительно политическимъ борцомъ; и, если онъ гибнетъ, то въ силу того, что оказался слабѣйшей стороной. На восклицаніе председателя суда, Остенъ-Сакена, „да неужели же у васъ въ этомъ дѣлѣ не было сообщниковъ?“, Степанъ съ ироніей отвѣтилъ: „правосудію необходимо знать моихъ сообщниковъ? Я готовъ назвать ихъ! Мои сообщники — русское правительство во главѣ съ царемъ. И я прошу, я требую, чтобы эти сообщники были здѣсь, рядомъ со мной на скамьѣ подсудимыхъ!“ — закончилъ Степанъ.

Спокойствіе, съ которымъ Степанъ держалъ себя на судѣ, поражало присутствующихъ.

Во время перерыва засѣданія онъ, оживленно улыбаясь, бесѣдовалъ со своимъ защитникомъ, прис. пов. Люстигомъ; на вопросъ одного изъ присутствовавшихъ, что было темой ихъ оживленнаго разговора, Люстигъ сказалъ, что сообщалъ С. В. о томъ, что мать во время перерыва захотѣла поздравить сына съ днемъ его ангела; С. В. отвѣтил , что рѣдко кто получитъ въ день своихъ именинъ такой подарокъ, какъ онъ.

Съ тѣмъ же спокойствіемъ и высокимъ нравственнымъ достоинствомъ, подавляющимъ образомъ дѣйствовавшимъ на судей, выслушалъ Балмашевъ свой приговоръ — о смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ тотъ же день мать Балмашева подала на „высочайшее имя“ прошеніе о помилованіи. Это удалось ей съ большимъ трудомъ, такъ какъ баронъ Будбергъ (управляющій канцеляріей по принятію такихъ прошеній) долго отказывался принять прошеніе и доложить о немъ государю. Николай II заявилъ, что помилуетъ С. В. Балмашева лишь въ томъ случаѣ, если прошеніе будетъ отъ имени самого С. В. Балмашева, а не матери его. Дурново сейчасъ же поѣхалъ къ С. В. и долго — но совершенно безуспѣшно — уговаривалъ его подать прошеніе о помилованіи. Матери Балмашева Дурново сказалъ: „у васъ не сынъ, а кремень“. С. В. Балмашевъ сказалъ, между прочимъ, уговаривавшимъ его: „я вижу, что вамъ труднѣе меня повѣсить, чѣмъ мнѣ — умереть. Мнѣ никакихъ милостей отъ васъ не надо. Одного только прошу, чтобы дали веревку покрѣпче — вы даже и вѣшать не умѣете, какъ слѣдуетъ“.

Умеръ Степанъ Валеріановичъ такъ же мужественно, какъ и жилъ. 2-го мая въ 4 часа дня онъ былъ привезенъ въ Шлиссельбургъ подъ усиленнымъ конвоемъ окружавшихъ его кольцомъ жандармовъ, — безъ оковъ. Всю дорогу отъ воротъ крѣпости до дверей канцеляріи (шаговъ 50) онъ шелъ, махая шляпой, чтобы дать знать о себѣ товарищамъ, осужденнымъ на другую, болѣе медленную смерть... За нѣсколько дней до прибытія Балмашева начались спѣшныя приготовленія въ старой тюрьмѣ: красили и приводили въ порядокъ камеру № 5, провели въ нее воду и электричество, въ другую камеру провели телефонъ; построили заборъ, отдѣливъ имъ часть стараго двора — очевидно, для прогулокъ. Администрація еще не знала, привезутъ ли Балмашева только для казни, или онъ будетъ сидѣть... По прибытіи его провели въ канцелярію крѣпости, гдѣ онъ пробылъ, не выходя, до 12 час. ночи. Повидимому, администрація не хотѣла, чтобы его видѣли шлиссель-

бургскіе узники, — а это было бы неизбѣжно, такъ какъ до 12 час. ночи свѣтила луна, въ полночь его провели, наконецъ, подъ усиленной стражей въ старую тюрьму...

Послѣ этого начали ломать заборъ, огораживавшій дворъ, и строить эшафотъ въ углу, около камеры Іоанна Антоновича и свѣтличной башни. Затѣмъ туда пронесли и другія принадлежности судебнаго убійства — двѣ длинныя лѣстницы, саванъ, и, наконецъ, гробъ и негашеной извести. Къ 3 часамъ утра слѣдующаго дня (3 мая) эшафотъ былъ готовъ, а къ 4 часамъ утра пріѣхали начальствующія лица, которыя тотчасъ же прошли къ мѣсту казни. Въ пятомъ часу утра привели Балмашева. На зрѣлищѣ казни присутствовали секретарь С.П.Б. военно-окружного суда Соколовскій, товарищъ прокурора, жандармскій офицеръ, представители министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и мѣстное начальство: начальникъ крѣпости, смотритель и три его помощника, священникъ, докторъ, фельдшеръ, 4 жандармскихъ унтеръ-офицера и человѣкъ 6-7 рядовыхъ нестроевой команды крѣпости. Балмашевъ совершенно спокойно слушалъ, какъ секретарь дрожащимъ голосомъ читалъ текстъ приговора. Когда подошелъ священникъ и предложилъ Балмашеву крестъ, онъ отвѣтилъ: „я лицемѣрить съ вами не могу". Затѣмъ онъ самъ наладилъ, стоя уже въ саванѣ, руками веревку на шеѣ. Смерть наступила скоро...

„Работа" слугъ самодержавія была покончена. По выходѣ съ мѣста казни, священникъ и чиновники, какъ полагается истиннымъ христіанамъ, молящимся передъ началомъ и послѣ окончанія всякаго дѣла, долго и истово крестились на церковь. Солдаты отряхивали известь съ своихъ мундировъ. Затѣмъ подъ усиленнымъ конвоемъ жандармовъ былъ проведенъ субъектъ въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ, озиравшійся по сторонамъ, какъ волкъ... Это былъ палачъ. Скоро пронесли съ мѣста казни лѣстницы, и слышно было, какъ ломали эшафотъ. Но гроба съ трупомъ Балмашева этой дорогой не провозили, и неизвѣстно — былъ ли онъ переданъ черезъ стѣну на волю, или тамъ же зарытъ...

* * *

Правительство совершило свой актъ вражды, ненависти и мести... Балмашевъ сошелъ въ могилу, но только для того, чтобы отъ личной жизни перейти къ историческому безсмертію. Онъ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ всѣхъ, кто не утратилъ послѣднихъ проблесковъ чести и совѣсти подъ гнетомъ ненавистнаго самодержавія; онъ будетъ жить въ скрижаляхъ исторіи на ряду съ величайшими и самоотверженнѣйшими героями человѣчества; онъ будетъ жить въ своихъ преемникахъ и продолжателяхъ...

Да, будетъ жить! Его мѣсто въ рядахъ передовыхъ борцовъ за народное счастье и волю не останется незанятымъ: въ этомъ намъ порукой его свѣтлый образъ, его великій примѣръ, зовущій на борьбу, на страданія, на искупительную жертву!

ПИСЬМО СТЕПАНА БАЛМАШЕВА КЪ РОДИТЕЛЯМЪ.

Дорогіе мои! Пользуюсь счастливымъ случаемъ, пишу вамъ нѣсколько строкъ, въ надеждѣ, что онѣ дойдутъ до васъ. Событіе 2-го апрѣля и мое участіе въ немъ, навѣрное, поразило васъ громомъ неожиданности и острой болью.

Но не обрушивайтесь на меня всей тяжестью упрека! Неумолимыя, безпощадныя условія русской жизни довели меня до такого поступка, заставили пролить человѣческую кровь, а главное — причинить вамъ на старости лѣтъ незаслуженныя страданія отъ утраты единственнаго сына.

Какъ неизмѣримо счастливъ былъ бы я теперь, выполнивъ свой долгъ гражданина, если бы не угнетала меня мысль о вашей скорби, о той душевной мукѣ, которую вы теперь должны испытывать. И не смотря на это, не смотря на то, что свѣтлое состояніе моего духа и блаженное самочувствіе отъ сознанія выполненныхъ требованій моей совѣсти омрачается горечью при мысли о вашей печали, — я, разумѣется, нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ.

Не мнѣ, конечно, выяснять вамъ значеніе борьбы съ наиболѣе яркими и вредными представителями самодержавнаго режима. Не мнѣ говорить вамъ о неизбѣжности жертвъ въ этой борьбѣ. Проклятыя условія современной русской дѣйствительности требуютъ жертвовать не только матеріальными благами, но отнимаютъ у родителей ихъ единственныхъ дѣтей. Я приношу свою жизнь въ жертву великому дѣлу облегченія участи трудящихся и угнетаемыхъ, и это, я вѣрю, даетъ мнѣ нравственное оправданіе въ той жестокости, которую я совершилъ по отношенію къ вамъ, своимъ горячо любимымъ и уважаемымъ родителямъ.

Пусть сознаніе этого значенія моего поступка умиротворитъ вашу естественную родительскую скорбь. Въ заключеніе обращаюсь къ вамъ съ просьбой, хотя понимаю, какъ трудно она исполнима. Что бы ни было со мной, будьте такъ же тверды и спокойны, какъ я. Быть можетъ ваше успокоеніе передастся и мнѣ черезъ толстыя тюремныя стѣны и уменьшитъ мою тревогу за васъ.

Вашъ Степа.

Петербургъ, 3-го апрѣля.

ПАМЯТИ БАЛМАШЕВА.

Свершенъ преступный судъ; пробилъ твой часъ урочный,
И гордо принялъ ты страдальческій вѣнецъ.
Ты въ жертву принесенъ, какъ агнецъ непорочный,
Сорвали жизни цвѣтъ — погибъ герой-боецъ...

Ты молодъ былъ, но ужъ рукою твердой
Геройскій подвигъ свой безтрепетно свершилъ
И силы юныя съ увѣренностью гордой
Такъ рано на алтарь священный возложилъ.

Придетъ пора, — свершится судъ народный —
И казнь позорная постигнетъ палачей;
Тогда воскреснешь ты! Пойметъ народъ свободный,
За что потушенъ свѣтъ твоихъ младыхъ очей!

КЪ КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

(Обзоръ текущей литературы.)

Первые годы наступившаго столѣтія ознаменовались событіями первостепенной общественной важности и открыли собой новую эру въ исторіи русской революціи. Въ нихъ, въ этихъ событіяхъ, надежный залогъ будущей, недалекой уже побѣды, прочная гарантія успѣшности революціонной работы, могучій стимулъ къ подъему революціонной энергіи. Отнынѣ есть надежда, что усилія друзей свободы и справедливости не разобьются уже о косность народной массы, а найдутъ въ ней откликъ. Она уже не спитъ: она ищетъ выхода. Недовольство разлилось вширь, охвативъ огромную территорію, и просочилось вглубь, въ самую почву, расшатывая фундаментъ, на которомъ держится существующій порядокъ. Событія недавняго времени и являются показателемъ того, что революціонное настроеніе нашло себѣ доступъ въ массы населенія.

Въ прошломъ году это были уличныя демонстраціи, сочувственно встрѣченныя широкими слоями горожанъ и заставившія русское правительство теперь открыто признать себя врагомъ народа, объявить почти всю страну на военномъ положеніи и внѣ закона. Ихъ значеніе достаточно оцѣнено въ революціонной литературѣ и революц. практикѣ. Въ нынѣшнемъ году къ нимъ присоединились крупныя аграрныя волненія. И городъ, и деревня заволновались. Годы пропаганды принесли свои плоды, и въ городѣ образовалась прочная преемственность идей, все наростающая, благодаря разнузданной наглости царскихъ ставленниковъ, ихъ политикѣ произвола и гнуснаго насилія; та же политика царская, разорившая въ конецъ крестьянъ, подняла деревню. Послѣ цѣлаго ряда спорадическихъ, изолированныхъ вспышекъ, аграрныхъ бунтовъ, сопротивленій властямъ и т. п. „преступленій", особенно участившихся за послѣднее время, крестьянское движеніе вступило въ новую фазу своего развитія—въ фазу сплошного, совмѣстнаго для многихъ деревень, порайоннаго возмущенія.